

Андрей Сахаров

ДЕЛЬЦЫ И МЕЧТАТЕЛИ

12+

Андрей Сахапов
Дельцы и мечтатели

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сахапов А. С.

Дельцы и мечтатели / А. С. Сахапов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

В большом городе международная корпорация открывает свой филиал. Бизнес по заморозке людей VIP уровня. Дела у этой фирмы идут превосходно. Клиентами фирмы - богатейшие люди со всей страны, запада и ближнего зарубежья. Но появляется человек, который становится виновником и причиной падения мощного колосса. Спустя восемьдесят лет происходят глобальные изменения на земле. Уже нет ни правительств, ни огромных городов, все по-другому. Войны прекратились, потому что не стало военных, они разошлись по домам сажать редис, и просто некому стало воевать. Существует одна глобальная организация «Небесная свобода», у которой в этом мире стоят свои цели и задачи. Остались и отголоски прошлого в виде города и театра из двух воюющих сторон, именно в этих местах появляются великие мечтатели, которые способны изменить ход истории всего человечества и многих инопланетных цивилизаций.

© Сахапов А. С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая: Дельцы	5
Глава 1. Павел Иванович	5
Сон Павла Ивановича	9
Оранжерея	9
Глава 2. Пробуждение	10
История Сергея	14
История мальчика	15
Глава 3. Электрик высшей квалификации – Василий Петрович	17
Сон Василия Петровича	20
Реальность	21
Утро	25
Глава 4. Человек и козел	26
Глава 5. Новая жизнь	30
Глава 6. «Небесная свобода»	33
Беспокойный сон Павла Ивановича	33
Глава 7. «Белый слон»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Часть первая: Дельцы

Глава 1. Павел Иванович

На улице было еще темно в это мартовское утро. Редко чирикал одинокий воробей, предвещая солнечный и погожий день. Павел Иванович вышел на улицу и пошел на стоянку за машиной. Идти было не так далеко. Под ботинками приятно хрустела ледяная корка. Дома Павлу Ивановичу решительно нечего было делать, и он начинал нервничать и суетиться, чувствуя себя лишним. Он выработал у себя привычку вставать и уходить пока домашние спят и еще, конечно же, утром не было пробок и можно было с наслаждением вести авто. Утром он пролил мед на свой любимый костюм, который хотел одеть еще с вечера, предстояла очень важная встреча, не огорчаясь, он переоделся в другой. Сегодня Павел Иванович решил не вызывать водителя, а добраться до работы сам потому, что любил водить машину, а машина у него была шикарная, и водить ее было очень приятно. Даже когда его подрезали на дороге, немного улыбался, давая возможность гонщикам обогнать себя. Он-то знал кто здесь главный. Случись поцарапать машину, он несколько не расстраиваясь, вызывал такси и уезжал, предоставляя страховой фирме разбираться.

– По работе и награда, – любил говаривать Павел Иванович, явно намекая на то, что каждый должен заниматься своим делом. Дело сегодня предстояло серьезное. Влиятельный человек с женой оставлял сына. Сегодня была третья и заключительная встреча. Предоплата была получена на сто процентов, и оставалось обговорить формальности.

Павел Иванович не хотел считать себя лицемером и действительно верил в то, что помогает людям, пусть даже таким нетрадиционным способом. Он любил свою работу, любил голубой свет, отражающийся в дорогом кафеле, никелированные детали все это создавало ощущения приближения к чему-то таинственному и важному. В свое время американская компания решила открыть филиал в России, и Павел Иванович оказался в нужное время в нужном месте. Он устроился простым штатным сотрудником, а это было не просто сделать, пришлось кое-что подправить в биографии. За пять лет работы, идя по головам, он смог стать директором, а затем и совладельцем. Клиентами филиала были люди из Европы, Азии, само собой разумеется, России. Система жизнеобеспечения считалась одной из самых лучших в мире. Только благодаря заслугам Павла Ивановича, дела шли превосходно, он вкладывал всего себя в это дело. Сумел убедить головной офис поставить новейшее оборудование. Благодаря этому в России был такой обширный список клиентов. Один только филиал в России составлял половину того, что имело головное предприятие по всему миру. У всех на виду был Институт Красоты и холода, а внизу крио камеры по глубокой заморозке людей. Павел Иванович не был мрачным человеком, но и весельчаком его тоже было трудно назвать, скорее он излучал большое чувство уверенности. Он был женат, любил свою жену и двух сыновей, что не мешало иметь любовницу.

Полине Марковне это слово не подходило, скорее она была верным другом или соратником. На работе об отношениях никто не догадывался. Там они виделись редко. Полина Марковна встречалась с Павлом Ивановичем скорее для души. Устраивалась она через американское агентство. Павел Иванович не принимал в этом участия, потому что он попросту тогда ее не знал. Отличный работник, собеседник и еще кое-что. Не повстречала она пока человека лучше, чем Павел Иванович и держалась его. Павел Иванович хотел было помогать ей, но она ему отказала. Полина Марковна была больше чем рядовой сотрудник, она была одним из главных двигателей предприятия. Американцы неоднократно предлагали ей перевод в другой филиал, но она отказывалась. Она за три года работы купила хорошую трехкомнатную квар-

тиру, а еще через три и дом за городом. Полина Марковна не нуждалась в материальной поддержке. От нее исходило такое спокойствие, что если клиент и сомневался до сегодняшнего дня, то после беседы с ней был уверен в своем решении на все сто. Это качество Павел Иванович больше всего ценил в Полине Марковне. При беседе, Полина Марковна больше молчала, внимательно слушая, в этом и заключалось ее умение – ничего не говоря, успокоить и убедить человека. Она как-бы дополняла Павла Ивановича своей уверенностью и спокойствием. Встречались они у нее в загородном доме. Что сказать жене для него не было проблемой – он часто по работе бывал в командировках за границей. Встречи их скорее напоминали встречу Шерлока и Ватсона за бутылочкой шерри у камина на Бейкер-стрит.

Место работы Павла Ивановича находилось на окраине. Старинное здание со скромной вывеской ИНСТИТУТ ЗДОРОВЬЯ И ХОЛОДА. Но самым главным был подвал, можно сказать это был мини город с галереями и залами. Когда-то тут был бункер для правительства города. Размеры поражали. Залы с футбольное поле в пять этажей, не считая подсобных помещений, которые составляли не малую часть строения. В подвальных помещениях работало три человека в четыре смены. Особо во время дежурства они ничем не занимались. Основная их работа состояла в погружении пациента в крио камеру. Автоматика была такая, что и наблюдения не требовалось, тройная система защиты в случае выхода из строя любой детали.

Охрана доложила, что клиенты прибыли. Будущие клиенты по договору приезжали три раза для оформления и беседы со штатным психологом Полиной Марковной. Это называлось предварительное, основное и окончательное соглашение. Деньги переводились тоже тремя частями. Сейчас предстояла процедура заморозки мальчика. Павел Иванович пошел их встречать, чтобы самому проводить к месту, Полина Марковна уже была там и встала рядом с Павлом Ивановичем. Поздоровавшись, они проводили родителей вниз на пятый уровень. Затем Павел Иванович поднялся к себе в кабинет, предпочитая наблюдать все действие по монитору. Процедура пятого уровня была просторна. Люминесцентный голубой свет отражался в плитке дорогого кафеля. Павел Иванович знакомил пациентов с местом, где они будут находиться заранее, чтобы не было шока. Мальчик здесь был уже третий раз и имел представление. За последние два года он привык быть один, находясь в больнице, к этому привыкаешь и сейчас вел себя спокойно и тихо как на обычной процедуре. Он был смертельно болен, жить оставалось не более двух месяцев. Родители об этом сыну естественно ничего не сказали.

Вместо одной из стен процедурной было огромное цельное стекло с видом на сами крио камеры. Оно было похоже на экран, за которым начиналась другая реальность. Зрелище было жутким. В американских филиалах камеры располагались одна на другой вдоль стены с целью экономии пространства. У нас же это было с размахом, и каждая камера стояла на полу на специальной подставке в общем, как на кладбище только гробы были сверху. Завораживающий темный потолок с еле мерцающими хаотично раскиданными огоньками создавал иллюзию звездного неба. Отполированный металл саркофагов еле отсвечивал голубым светом. Павел Иванович любил гулять по этим аллеям и именно на этом пятом уровне. Здесь находились наиболее значимые клиенты с наивысшим уровнем безопасности. По крайней мере, им так говорили. Прогуливаясь приятно было думать о той надежде, которую он им дает, если конечно будет найден процесс разморозки. Павел Иванович нравилось ощущать себя частью чего-то целого и большого. Он слегка улыбался, бродя между рядами, но эта улыбка скорее была улыбкой радости за тех людей, которые переживут его и его время.

Большое стекло открывало другую параллель. Мальчика уложили, начался процесс заморозки. Родители стояли рядом. С одной стороны надежда, что их сын проснется и будет жить, потому что в будущем его смогут вылечить, с другой этого может не произойти вовсе. Мама была готова лечь рядом с сыном, чтобы проснуться вместе, но сын сам отговорил ее.

– Оставайся с папой, и вместе ждите меня.

Папа старался не заплакать, стоя рядом с мамой, держась за руки. Мальчика погрузили в азот, саркофаг закрыли и увезли в оранжерею. Именно так по документам называлось это место. Родители еще долго стояли возле стекла, им никто не мешал. Павел Иванович наблюдал за ними по монитору, он не испытывал чувство вины, скорее наоборот. Обычно на таких процедурах слез не было, и никто не рыдал. В основном, здесь лежали престарелые дельцы, воротилы, уставшие и пресытившиеся жизнью. Родители ушли. Павел Иванович всегда спускался к новому пациенту, как бы удостовериться все ли хорошо. Он спустился на пятый уровень. Сотрудники были на своих местах, они явно его ждали. Саша – старший в смене был в комнате отдыха. Такие процедуры крепко выматывали, всем требовался отдых. Павел Иванович не стал его будить, спросил, как все прошло у Дмитрия, хотя за всем следил по монитору и сотрудники это знали, но таков был порядок вещей. Каждый раз Павел Иванович спускался на определенный уровень и спрашивал, как прошло. Ему отвечали, что все в порядке, он проходил в оранжерею и первым делом шел к новому саркофагу. Он любил это слово – оранжерея, оно было, какое то живое. Павел Иванович чувствовал себя садовником среди своих растений. Сегодня был особенный случай. Папа у мальчика занимал высокий пост в правительстве. Подойдя к камере мальчика, он долго стоял и смотрел на отполированный металл, думая о чем то. Какие мысли посещали его в такие моменты? Постояв и подумав, Павел Иванович пошел обратно вдоль особых VIP склепов, камерами эти сооружения назвать было трудно. Сделанные из лучшего мрамора, они являли собой настоящие произведения искусства. Их было десять, но дохода предприятию они приносили, как с половины всей оранжереи этого уровня. В оранжерее было пятьсот «посадочных» мест на пяти уровнях, всего две тысячи пятьсот и пятьдесят VIP.

Каждый из пятидесяти склепов был сделан по индивидуальному заказу. На каждом уровне они имели разные архитектурные направления и цену. На третьем этаже были пирамиды покрытые позолотой, вся оранжерея ярко освещалась самыми разными источниками света. Свет заливал все пространство, каждый уголок был освещен. Свет бил отовсюду: снизу, сбоку, сверху. В центре зала был установлен один большой источник, символизирующий солнце. Свет никогда не отключали и он бил круглосуточно. Пятый – барокко, первый – хай-тек, на втором натуральность кладбищенского стиля. Павел Иванович решил сделать себе подарок и пройти мимо этих склепо-архитектурных изысков. Он помнил каждого клиента. Все они хотели лучше, чем у других.

Наладку и монтаж склепов по индивидуальным проектам, имела право осуществлять только американская строительная компания. Периметр огораживали тройной сверхпрочной тканью, устанавливали промежуточный пылесборник и душ. Рабочая одежда была разовая. Строители одевали стерильную спецодежду и следовали на рабочее место, выходя, снимали, принимали душ и одевали другую. Эта же компания осуществляла генеральную уборку всей оранжереи. Запрещалось работать перфораторами и шлиф машинками, молотки только пластиковые или резиновые. Комплекс создавался в другом месте, а уже тут производился монтаж. Детали тщательно мыли, также тщательно упаковывали и грузили в ящики.

Полюбовавшись великолепным барокко, он направился к выходу, ему надо было попасть на первый уровень. Там шли работы по монтажу очередного склепа хай-тек, четкие и прямые линии, блеск хромированных деталей. Предстояло решить несколько технических вопросов с главным инженером строительной компании. Стены и потолок в оранжерее первого уровня были покрыты декоративной штукатуркой под известняк, мягкий и желтоватый, свет шел из напольных ламп и бил вверх чуть под углом. Они встретились в комнате первичной заморозки, такая имела на каждом этаже, и была оснащена таким же огромным стеклом. Главный инженер уже ждал. Павел Иванович, как лицо ответственное, поинтересовался, как продвигаются дела. Он задавал стандартные заготовленные вопросы, которые должен был задать. Главный

инженер отвечал заранее подготовленными ответами. Это был своеобразный ритуал. За годы работы они притерлись друг к другу. Строительство VIP склепов было поставлено на поток.

Закончив формальную беседу, Павел Иванович вышел из здания института во двор, где стояла его машина. На крыльце сидел обычный серый, полосатый кот, и щурясь от солнца, пас голубей. Павел Иванович поехал к Полине Марковне. Им нужны были эти два дня тишины и уединения от мира. Павел Иванович благополучно добрался, предварительно позвонив, чтобы она открыла ворота. Ключа от ворот у него не было, у них была негласная договоренность.

Нет, это были не недомолвки, просто им так было удобнее. Машину он тоже оставлял на улице, хотя в гараже было место. Полина Марковна знала, что он никогда не попросит поставить свою машину в гараж, хотя он и был очень не против. Иногда она оставляла свою машину на улице из чувства солидарности, давая тем самым понять, что она сегодня особенно расположена. Павел Иванович понимал эти полунамёки, что называется с полуслова. Выходя из машины уже во дворе, он наступил на что-то мягкое это оказался дохлый воробей.

«Кошки», – подумал он и брезгливо начал вытирать подошву об твердую корку мартовского снега. Павел Иванович вошел в дом. Полины Марковны внизу не было, и он нарочно громко хлопнул входной дверью, чтобы обозначить себя. Переодевшись в домашнее, он сразу занялся камином. Принес дрова, захватив березовой коры на растопку. Пирамидкой расставив поленья в камине и подложив коры, зажег ее большой спичкой. Кора затрещала, и огонь начал отвоевывать все большее пространство для себя.

– Так оно и в жизни, – думал Павел Иванович, глядя на пламя: Даем мы пищу нашим страстям, и они сжирают нас, как этот огонь. Даем пищу хорошему, и оно разрастается, как прекрасный цветок.

Через десять минут в камине полыхал цветок огня, комната наполнилась приятными запахами, такими, которые дает только живой огонь.

О работе они никогда не говорили, предпочитая легкие беседы ни о чем, о спорте, кулинарии и кошках. Павел Иванович и Полина Марковна старались жить в моменте настоящего – в здесь и сейчас. Полина Марковна посещала всевозможные тренинги и семинары, курсы повышения уровня сознания и школу эзотерики. Все книги у нее в доме были только определенной тематики. Иногда ее немного заносило, и она с жаром пыталась рассказать о новых открытиях и свершениях в этой области. Павел Иванович снисходительно слушал, не особенно вдаваясь в подробности, для него это скорее был фон – пространство, которое должно быть чем-то заполнено. Павел Иванович привез с собой бутылку хорошего виски – раз в месяц они позволяли себе эту слабость, всего пару стаканчиков. Здесь у них вкусы совпадали. Полина Марковна переделалась и спустилась вниз. Она никогда не позволяла себе ходить при Павле Ивановиче в домашнем халате, для этих целей у нее были домашние костюмы, сшитые на заказ из красивейшей индийской ткани. Два костюма из шелка и три из хлопка. Она прошла на кухню, нарезала яблочко «симиренко» под виски (Павел Иванович их особенно любил), лимон, переложила из банки в тарелочку испанские оливки и принесла все это к камину. Павел Иванович к этому времени уже открыл бутылку и разлил по стаканчикам напиток. Сидя в уютном кресле, покатывая виски, он смотрел на огонь. После того как разгорелось нужно было подложить еще дров.

Павел Иванович умел отдавать должное ароматам алкоголя и поэтому пока пил не закусывая. От камина шел приятный расслабляющий жар. От Полины Марковны веяло согревающим теплом молчаливого присутствия. Она сегодня больше молчала, предпочитая говорить о погоде и завтрашнем обеде. Так прошло часа два. Полина Марковна поднялась к себе в спальню. Павел Иванович дремал, перебравшись с кресла на диван. Так он и уснул.

Сон Павла Ивановича

Ему снилось, как будто он чудесный и большой дельфин, плывущий со своей стаей в океане.

Откуда интересно дельфину было знать, что это океан, но это был именно он. Вся стая резвилась и играла, искрящиеся снопы искр разлетались в разные стороны. В стае было много малышей и мамы с ними важно держались на расстоянии. Вдалеке они увидели корабль, и вся стая поплыла туда, чтобы устроить прыжки перед носом судна. Дельфины знали, что люди не тронут их и не беспокоились. И вот они уже подплыли и начали свои игрища, как вдруг дельфин, которым был Павел Иванович, прыгнул так что угодил прямо на корму судна. Еще не понимая, что происходит, он краем глаза увидел, как к нему приближаются люди с цепями и крючьями. Павел Иванович в ужасе проснулся. Светало.

В ужасном настроении он начал одеваться. Голова страшно болела, но не от выпитого накануне. На улице немного полегчало. Походив немного, Павел Иванович решил наколоть дров для бани. Он любил физический труд на свежем воздухе. Работа до седьмого пота всегда оказывала на него терапевтическое действие и под конец ему стало даже совсем хорошо. Павел Иванович всегда сам ездил за дровами, их можно было купить при въезде в поселок, у частников. Он закупал сразу грузовую машину, но покупал всегда не колотые, предпочитая колоть самому. Колка дров ему нравилась – это приносило пользу телу и душе. А Павел Иванович заботился и о теле и о душе.

Оранжерея

В оранжереях сменные делали обход. Но они не видели того, что творилось там на самом деле. Иногда кто-то и замечал краем глаза мелькание каких-то теней в отполированном металле, но об этом здесь не принято было говорить. Предпочитались разговоры о работе.

Глава 2. Пробуждение

Первое что увидел мальчик – это звездное небо. Затем он решил подняться. За небом он увидел приближающуюся точку белого света, свет становился все ярче. Мальчик понял, что свет летит к нему. Только теперь он увидел, что нет никакого звездного неба, а только лишь черный потолок со светильниками. Через этот потолок и проникал свет. Пролетев через него, светящаяся птица села рядом. Это был голубь, из центра его груди и шел тот свет. Мальчик смотрел как завороченный. Птица посидела не долго, и снова поднявшись, пролетев сквозь черное полотно скрылась.

Он сел и увидел обширный зал с рядами металлических ящиков. Это были крио камеры. Немного придя в себя, он вспомнил, что это за место. Вон там за дверью была лаборатория, где его погружали в сон. Тусклые, прозрачные существа смотрели на него со всех сторон, но мальчик не боялся их, было совсем не страшно. Фигуры немного оживились. Они не ходили, а парили в воздухе. К нему приблизилось одно из существ, и только когда оно было совсем рядом, он увидел, что это был не старый еще мужчина, на вид лет пятидесяти.

– Не удивляйся, ты попал туда, куда должен был попасть, – сказал он мальчику. Мальчик не знал, что отвечать и поэтому молчал.

– Это место, – промежуточная станция, где все мы и застряли по своей или чужой воле. И я в том числе. Это момент остановки прыжка и сколько он продлится никто не знает, мы просто не можем сделать шаг ни вперед, ни назад. Ты сам скоро все поймешь и ощутишь на себе. Каждый новый для нас – это новая надежда. Посмотри высоко в небо, и ты сам во всем убедишься.

Мальчик посмотрел, но ничего кроме потолка не увидел.

– Смотри дальше за грань видимого, – услышал он голос рядом с собой.

За потолком он увидел пространство, заполненное бесконечным числом светящихся звезд. Свет лился отовсюду. Миллиарды светящихся птиц пролетали сквозь друг друга и от этого каскадом рассыпались ослепительные фейерверки света. Пока он смотрел в небо, света становилось все больше и больше. Он видел каждую птицу в отдельности и мог разглядеть каждое ее перышко, несмотря на то, что расстояние до них было неизмеримо велико. Пространство, где не было места тени. На эту картину можно было смотреть бесконечно. Мальчик улыбался белоснежному потоку света, который озарял небо. Птицы пели своим особым пением – и это была песня тишины. Это было самое лучшее, что ему приходилось слушать, когда либо. Он понял, что люди, создавая музыку, на самом деле стремятся создать нечто похожее на эту божественную мелодию.

– Хорошо, что ты видишь ангелов как птиц. Нам это недоступно, а большинству вообще ничего не видно кроме черного потолка. Им доступны только черные узлы. Кстати, меня зовут Сергей, вернее так звали раньше. Теперь я и сам не знаю – кто я. Друг друга мы именами не зовем и общение у нас несколько другое. Ты, наверное, уже понял, что это не совсем привычный тебе мир. Это мир, похожий на бесконечно тянущийся застывший сон. Да ты сам посмотри вниз, – сказал ему Сергей.

Сквозь плитку пола в самых дальних глубинах вселенной он увидел океан черных теней. Деталей не было видно, лишь движение чего-то монолитного слитого в один кусок. Мальчик лишь пожал плечами, давая понять, что ничего особенного не увидел.

– Ты ничего не увидел? – с удивлением спросил его Сергей

– Какие-то тени, – ответил ему тот.

– Ну да, ну да, так наверное и должно быть, лично я вижу там... хотя нет давай я тебе в следующий раз скажу, – и он посмотрел вниз сам в надежде, что и для него картинка покажется только мутным пепельным комом. Но он видел совершенно другую картину, до мельчайших

деталей. Это была картина переплетенного и двигающегося океана из черных узлов. От каждого движения исходил невыносимый звук.

«Как же я тут оказался? В моей семье часто звучал смех хрустальными струнами счастья, но иногда случались события, которые я не мог объяснить. Скорее это были моменты, какого то напряжения. Мама укладывала меня спать, она читала книгу. Это самое приятное, что есть на земле, когда мама читает тебе книгу. Я заснул, но через некоторое время проснулся. Мне стало так скучно, что я решил пойти к ней. Приблизившись к двери, я потянул за ручку, дверь открылась, и я вошел в спальню. Папа и мама спали на одной большой кровати, но одеяло было у каждого свое. Тогда мне ничего не показалось странным, я был слишком мал. Это сейчас находясь здесь, я понял очень многое, как будто стал старше сразу на тысячу лет. Родители спали в одинаковых, слишком аккуратных позах на спине, руки у обоих вдоль туловища, ноги не согнуты, а идеально вытянуты. Они были похожи на куклы, которых положили, так они и остались лежать в этой позе. Казалось, они даже не дышали. Даже постель не была смята. Я стоял и смотрел на них. Тогда в моих родителях я увидел что-то отталкивающее».

Время застыло. Движения, мысли, чувства – все это было далеко и не имело здесь никакого значения. Многие были привязаны к своему замороженному телу, не в состоянии даже сделать шаг от него. У всех находящихся здесь, была возможность оказаться в любой точке земли, но они предпочитали оставаться на месте, рядом со своим телом. Здесь не надо было ни спать, ни есть, ни дышать. Не было стремлений чего-то достигать. И эта бессмысленность существования давила на каждого тяжким грузом.

Мальчик опять вспомнил своих и тут же оказался в своей квартире. Мама и папа сидели в зале с застывшими стеклянными глазами перед телевизором. Он подошел и встал перед мамой. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, она его не видела и не чувствовала. Оба были в каком то странном состоянии отключенности. К папе он даже не стал подходить. С тяжелым осадком он подумал о своем теле и тут же очутился рядом с ним. Мрак еще плотнее стусился в их доме.

– Не надо тебе там бывать, от этого тебе будет только хуже, – сочувственно сказал ему Сергей: – Это большая ошибка – жить прошлой жизнью и ничего кроме разочарования она принести не может. Оставь свое прошлое позади, тебе не удастся ничего изменить, это уже их жизнь, а твоя жизнь здесь.

– Я только хотел посмотреть как они. Я так хочу, чтобы они были Счастливы, – мальчик не оправдывался, это был благородный порыв благородного сердца.

– Конечно же, посещай их, но не делай это слишком часто. Не делай себе плохо, – по-дружески советовал Сергей: – Я, так же как и ты бросился к своим, но то, что я узнал и увидел, принесло мне только боль. Я побывал во всех точках земли, но в таком состоянии это не приносит радости. Потом все возвращаются и ждут. Ждут когда это все закончиться.

– Но неужели ничего нельзя сделать? Хоть что-нибудь? – с надеждой спросил мальчик.

– Можно и даже нужно, что-то делать вот только никто не знает что, – пытаюсь приободрить, ответил Сергей.

Светящаяся птица прилетела и села рядом с мальчиком. Сергей посмотрел на нее и улыбнулся.

– Это она за тобой прилетает, а забрать не может, красивая. За мной прилетает другая, – тяжело вздохнув, сказал он, видимо вспомнив о своей птице: – Ну ты еще их увидишь. Такая как у тебя здесь первая. В основном все черные, есть конечно пара тройка с серым налетом, но такой как у тебя ни у кого, – закончил он.

– Я просто хотел хоть как то помочь маме и папе. И у меня это не получилось.

– В первую очередь, ты должен помочь себе сам. Этим ты поможешь и им, не знаю, как это будет, но это точно работает. Возможно, если объединиться, можно попробовать, но когда каждый сам за себя как у нас, точно не получится.

Мальчик вспомнил родителей и птица, рассыпая брызги искр улетела. Накатила волна уныния, за ней еще одна. Каждая последующая становилась сильнее. Время перестало существовать, оно тянулась бесконечно долго. Исчезли пункты назначения жизни, состояние отсутствия событий – вот на что это было похоже. Та жизнь была наполнена бесчисленным количеством событий, от момента к моменту, здесь полная противоположность кипящей и бурлящей жизни. Любое действие или движение, даже само обдумывание этого действия, становилось бессмысленным. Только сейчас он понял, почему многие из находящихся здесь, не двигаются и находятся в состоянии анабиоза. Абсолютно все не имело никакого смысла дальнейшего существования. Тут он немного очнулся, как будто его кольнули.

«Стоп. Почему же Сергей подошел ко мне, что его заставило, ведь он мог бы также как все сидеть на месте, погруженным в себя. Тут что-то не так, видимо есть и другие», – подумал так мальчик и сама мысль об обреченности унылого существования начала отступать. Надо было заставить себя сделать первый шаг.

Двигаясь по аллее, мальчик увидел старика. Тот чем-то привлек его внимание. Взгляд его был направлен вниз. Старик медленно поднял голову, глаза были наполнены дымчатой завесой, зрачки еле проглядывались, а огромные мешки под глазами выдавали его вековую усталость. Слова сыпались из него никчемной шелухой. Старик фонил беспорядочным бормотанием. Но чем ближе мальчик приближался к нему, тем речь его становилась все более связанная и понятная. Дым из глаз ушел вовсе, взгляд прояснился, стал чистым. Сморщенное лицо его, похожее на грецкий орех, расправилось и помолодело. Наконец он сказал:

– Я сам себя заковал сюда, сейчас видишь, сижу. Ведь что обидно, именно благодаря мне и был построен этот институт. Все началось с меня, а закончиться никак не может. Я хотел спасти тысячи жизней, но не могу спасти даже свою, – сокрушенно закончил он.

Белая птица опять прилетела и села мальчику на плечо. Старик встрепенулся, но было понятно, что он ее не видит. Хотя он точно ее чувствовал. Взгляд и голос стали крепче прямо на глазах, он начал наливаться силой.

– Она прилетела к тебе и сидит у тебя на плече? – с надеждой проговорил он.

– Да, – ответил ему мальчик.

– Как бы я хотел увидеть ее хоть раз, я бы только хотел знать, что она существует. Пожалуйста, скажи, она правда существует и сейчас на твоём плече? – уже умоляюще просил старик.

– Правда.

Птица поднялась с плеча и полетела.

– Я слышу этот чудесную музыку. Я слышал ее только один раз в жизни. Это было давно, и я тогда был молод и полон надежд. Это были несколько незабываемых дней. Я поступал тогда в институт. Она тоже. Мы как то случайно познакомились, – глаза старика сверкали живым блеском: – В те дни, после сдачи экзаменов, мы вечерами ездили в Царицынский парк. Там на скамейке, в конце пруда, мы сидели и ели мороженое. Понятно, мороженое было не дорогое, она сидела рядом, а я смотрел на наше отражение в воде. И вот тогда я услышал эту самую музыку. Прошли десятки лет, я стал очень уважаемым человеком в узких кругах. Множество раз я приходил туда и садился на эту скамейку, в надежде услышать ее еще раз, но все попытки были напрасны, ничего лучшего с тех пор у меня в жизни не было. Я проводил долгие часы, но нечего не выходило. Потом она вышла замуж, а я уехал покорять Сибирь, так все и закончилось. Всю жизнь я скучал по тому моменту, а встретил его здесь, – закончил старик. Прилетела большая черная птица и бесцеремонно села на старика.

– А, это за мной. Что? Даже с тобой я не могу покинуть этого проклятого места? – при этом он сразу начал киснуть и сморщиваться в сухой гриб. Мальчик отошел от него, тот еще какое-то время смотрел ему вслед, но постепенно глаза его наполнялись туманом, а взгляд опустился вниз и застыл.

Здесь не было болезней, горя и нужды, но здесь не было и радости, потому что абсолютно ничего не могло вызвать улыбку. Ты не можешь чувствовать, дышать, бегать и чувствовать, как пот выходит из тебя. Полное отсутствие тяги к жизни. Раньше они все были участниками дикого марафона, и он же привел всех сюда.

Появился Сергей. Он видел, что свет, исходящий от мальчика был другой. С таким сиянием он встречался впервые. Оно согревало, некоторых даже чересчур и они плавилась, как снеговики под солнцем. Потом конечно они опять принимали свою форму, но в то короткое мгновение они были по настоящему счастливы, это были минуты полной осознанности. Сергей хорошо знал, что никто не может видеть своего источника света и мальчику он не стал рассказывать о его свечении. Зачем? Ведь все что должно случится и так произойдет само собой, без всяких подсказок и тычков.

– Ты уже познакомился со стариком. Благодаря его заслугам и построили этот мавзолей, а я стал одним из первых, кто попал сюда. Я не был болен или еще что-то, мне просто захотелось посмотреть на мир будущего. Я как обезьянка засунул руку в корзинку с бананом, так и сижу до сих пор с ним, а как разжать не знаю. Помогите нам, помогите нам всем, – просил он, почти умоляя.

– Но что я могу, – не понимая, чего от него хотят, ответил ему мальчик.

– Этого и я не знаю, но я думаю, что ты скоро сможешь, – Сергей ставил его в тупик. С чего это вдруг на него возлагают надежду на спасение? Он не знал, что ему ответить.

– Ты кстати еще не был у нашей сверхэлиты, пошли, покажу, – предложил он.

Они двинулись к VIP склепам.

– Эти лежат прочно, даже после прибытия сюда никто из них ни разу не встал. Давай подойдем поближе, – предложил Сергей.

Никто из них так и не шелохнулся, оставаясь в состоянии своих мрачных настроений.

– Все знают, что когда-то это все кончится, многие даже боятся этого, как например вот эти. Они все еще серьезно думают вернуться к жизни, – сказал Сергей, кивая на сверхэлиту, и они двинулись дальше. Они обошли весь институт, все пять подземных уровней, побывали в лаборатории заморозки и надземном здании.

– Я был в других склепах разных странах. Везде та же ситуация. Немногие из них тоже не спят и ищут выход, – попутно рассказывал мальчику Сергей.

Сергей не видел светлого голубя, который прилетал к мальчику, он видел лишь смутные всплески огоньков и просто чувствовал его, как и все, но знал о его существовании и верил в это. Когда свет вокруг мальчика становился сильнее, он знал, что птица прилетела. Время шло и свечение мальчика стягивало к нему все больше и больше существ, находящихся в этих подземельях. Сначала они светились чуть слабее светлячков в ночи, но с каждым разом пламя их становилось сильнее, они прямо теснились вокруг, как бы греясь у огня. Никто из них не видел белой птицы, не было глашатая, который бы вещал: «Прилетела, прилетела!». Слова постепенно начали терять смысл, и оставался лишь свет.

Однажды, птица, чуть коснувшись его, тут же улетела, но не вверх как обычно, а вниз через пол и дальше. Мальчик наблюдал за ней, как она летит, освещая своим светом черные узлы. По мере ее приближения, их активность нарастала, а звук становился нестерпим. Еще миг и она скрылась в этой черной массе. Свет пропал. Возникло чувство тревоги, впервые он испугался, ведь раньше он и не знал, что она может вот так взять и исчезнуть, и может быть, сейчас исчезла навсегда. Еще не совсем веря в случившееся, он смотрел туда, где она пропала. Мальчик не знал, сколько прошло времени, но как говорил Сергей, время текло для всех по-разному. Наверху, прошло три года, мальчик думал три дня, а для кого-то три дня растянулось в столетие. Внезапно, почти мгновенно появился свет, он шел сбоку. Какое же это было облегчение, снова увидеть свою птицу! Она облетела его, сделав над ним круг. Как же приятно находиться под ее горячими лучами. Наконец, она села рядом и мальчик увидел, что одно перышко было слегка опалено. В голове застучало, мальчик не мог отвести взгляда от

этого опаленного перышка и смотрел на него как замороженный. Он понял, медлить больше было нельзя, беда грозила его родителям. Голубь, рискуя собой, хотел показать ему, что они могут оказаться скованными черными узлами.

Появился Сергей. Он протянул руки, и как возле костра начал греть их так, словно вернулся с мороза.

История Сергея

Я попал сюда, устав от жизни. Я был кадровым военным – офицером. Не могу сказать, что на войне я ничего не боялся. Там было по-настоящему страшно, но такого желания жить я больше не испытывал никогда. Это случилось ранней весной. Возвращаясь с задания, мы попали на минное поле. На нашей карте оно не было отмечено, и мы ничего не знали о грозившей опасности. Как они умудрились поставить мины в мерзлой земле, да еще и за сутки? Ума не приложу. Да еще, как назло пошел снег, и все поле покрылось белой пылью – хуже не придумаешь. Мины были поставлены особым способом, если взрывается одна, то другие три рядом взрывались следом. Шансов выжить, практически не было.

Как раз на одну из таких растяжек мы и напоролись. Через некоторое время очнувшись, я понял, что единственный, кто остался в живых. Дико болела нога, кажется, меня зацепило. Друг мой, который шел впереди, лежал на спине с развороченным животом, ему оставалось недолго, но он был еще жив. Я подполз к нему и взял за руку. Он смотрел на меня и все понимал. Снежинки тем временем кружась, падали ему на лицо и руки, затем таяли. Так его и не стало. А снежинки продолжали падать и таяли, как будто хотели сказать: «Нет. Посмотри, он все еще живой», – я очень хотел, чтобы они не переставали таять. Час спустя его почти не было видно под снежным саваном. Добравшись до своих, я три месяца пролежал в госпитале и вернулся в свою часть, но уже больше не участвовал в вылазках.

Позже я видел того, кто ставил эти мины. Нет, мне никто не говорил, что это именно он, но когда я его увидел, я точно знал что это он. Я просто знал. На войне происходят многие вещи, о которых ты просто знаешь.

Тогда я сидел в засаде на одной из горных троп. Место это считалось безопасным, боевых действий и бандформирований поблизости не было, но за годы, проведенные на войне, становишься приученным быть всегда начеку. Я до сих пор не знаю, как его звали, думаю это не так важно. Он шел по тропинке на дне ущелья, пригнувшись и озираясь по сторонам. Вдруг, раздался щелчок, те, кто бывал на войне, хорошо знают, что это за звук. Его ты ни с чем не спутаешь. Он был последним, для тех, кто его слышал. Он резко остановился и замер на месте, ему как никому другому было хорошо известно, что это значит. Без посторонней помощи шансов на спасения не было.

Прошел примерно час, а он все стоял в растерянности, не зная, как поступить. Да и чем собственно можно было ему помочь, вряд ли кто-то решится ему помогать. Видно было, что надежда на спасение покидает его. Он по-настоящему начал молиться. Как не молился никогда. Он понял, что это конец. Прилетела черная птица и села рядом с ним на ветку.

О чем он думал сейчас? Наверное, о своем детстве. Как красивая и молодая мама встречала его, когда он возвращался с отарой овец, и подгоняя их, проходил всю деревню, пока овцы не разбредались по домам. Может, вспоминал он свадьбу старшей сестры, у которой сейчас муж воевал на другой стороне? Он вспомнил каждый день своего детства, вспомнил запах родной деревни. Ведь каждая деревня имеет свой неповторимый запах, запахи травы и гор, запах свежееиспеченного хлеба. Сердце нещадно щемило, а ведь сейчас, он шел именно туда. Он окончил свою войну и сбежал из отряда, неужели больше никогда он не увидит свое село и родных? Он хотел сдаться властям и прекрасно понимал, что таким как ему пощады не будет. Это стоило того, чтобы еще хоть на миг оказаться дома.

На войне он был жесток, и жестокость была забита в него огромным железным гвоздем, и не было тех клещей, которые вынули бы его. Понемногу, гнев и жестокость шелухой слетали с его сердца, он готовился к смерти, рождаясь заново. Он вспоминал, как они с отцом ходили за орехами к водопаду, устроили там небольшой привал и не было вкуснее того сыра и той воды из ручья во всей вселенной. Светлые воспоминания полностью вытеснили черный осадок, он сумел вытащить свой гвоздь жестокости и зашвырнуть его подальше. Первый раз он просил прощения у бога за зло содеянное им. Раскаяние было искренним. Черная птица, встрепенувшись, улетела, на ее место прилетела светлая. Он сделал шаг, готовый принять смерть и смерть сейчас была ему старым другом.

Мина не взорвалась. Он так и продолжал стоять не в силах сделать шаг. Метров через сто он все-таки подорвался на другой mine, но белой птицы уже рядом не было. Я не стал подходить и смотреть, мне и так все было ясно. Ночью волки растащили его тело.

– Вернувшись к мирной жизни, я уже ничего не боялся, но вернулся я с войны сильно уставшим, – закончил Сергей свою историю.

История мальчика

Последние два года я провел в больницах. Бесконечная череда больничных палат, бесконечные процедуры. Все это менялось с такой скоростью, что иногда я думал: «Поскорее бы уж все это кончилось и не важно, как».

Родители делали все, что могли, но когда они узнали, что жить мне осталось не больше месяца, то разом оставили все попытки и как бы успокоились. Этот месяц мы были по-настоящему вместе, и нам ничто не могло помешать любить друг друга. Это был самый лучший месяц в моей жизни.

Иногда, на какие то мгновения, они забывали о моей болезни и тоже светились от счастья. Мы действительно радовались каждому дню. Мама тогда совсем переехала ко мне в палату и спала на соседней кровати. Иногда она ночью протягивала свою руку и клала на мою – она думала, что я сплю.

Врач разрешил нам прогулки, собственно терять было нечего, и мы с мамой целые дни напролет проводили в больничном дворе. Больничный двор был огромен и густо усажен деревьями. Деревья были самые разные, но больше всего было клена. Клены были большие и разлапистые так, что даже в самую жаркую погоду под ними было уютно.

Больница находилась в отдалении от основных дорог, и шум с улицы не доходил сюда. Пространство двора наполнялось пением птиц, которых было действительно много. Люди подкармливали их, и они слетались целыми стаями. Над всеми возвышаясь, ходили грачи, отпугивая остальную мелочь. Голуби и воробьи расступались перед ними, как бы пропуская внутрь, и опять смыкали свои ряды за ними. Грачи важно бороздили волны птичьего моря. Иногда прилетали чайки, внося свой переполох, громко крича и хватая, что-нибудь убегали в сторону. Молодые галки играли с пустым пакетиком от чипсов, заглядывая в него по очереди и вытаскивая за хвост друг дружку. Воронята-подростки тоже не против были поиграть. Один из них схватил окурок и начал с ним носиться, показывая остальным, ценность находки и вот уже вся компания неслась следом.

Мы проводили наши последние дни с мамой. Отец приезжал по несколько раз в день, и мы все втроем гуляли и кормили птиц. Я знал, что птицы больше всего любят семечки подсолнуха и папа привозил их в больших количествах. Мы бросали их птицам. Ближе всего подходили голуби, они толпились, наступали на ноги, а некоторые нетерпеливые садились на руки и плечи. Воробьи не решались вступить в эту свалку, скорее из-за боязни перед человеком и им надо было кидать чуть дальше. Грачи, вороны и галки тоже чинно держались на расстоянии, они всегда опасались людей и клевали свой хлеб в сторонке. Мы хотели наполнить эти послед-

ние дни любовью и радостью. Интенсивную терапию прекратили две недели назад, голова у меня не была в тумане, как раньше. Я мог наслаждаться всеми ощущениями в полной мере. Боль ушла и больше не тревожила. Конечно же, я прекрасно понимал, что близко то время, когда родители останутся одни, но не хотелось об этом думать потому, что сегодня светило солнце и пели птицы за окном.

В больнице я начал рисовать, хотя до этого к карандашам и краскам не притрагивался вовсе. Когда я был здоров, я был постоянно занят в школе, дома я «валял дурака», играя на компьютере и смотря всякую лабуду по телеку. Мои родители делали то же самое, а дурной пример, как мы знаем... Это я сейчас, понимаю про то время, но тогда было совсем все по-другому.

Вокруг меня в школе, дома никто не рисовал, я просто не знал, что существуют такие люди, которые сейчас тратят на это свое время. Мне казалось, что рисовать – это какое-то далекое и не нужное дело, и занимались им потому, что у них не было ни компьютеров, ни телевизоров и вообще доступных сейчас развлечений. В общем, рисовать я считал полной глупостью. В больнице я увидел, как другие дети рисуют, и впервые отложил телефон и решил попробовать. Там у меня появился настоящий друг.

Она по-новому приоткрыла мне глаза на великий мир. Ее звали Оля. Рисовала она постоянно, днем и ночью посвящая этому занятию все свое свободное время, как будто хотела надышаться и пропитать этим свою жизнь. Ее жизнь в эти мгновения была настолько ярка и заразительна, что дети, которые лежали с ней тут же, загорались этим, и уже их нельзя было оторвать от карандашей и красок. Родители детей удивлялись, когда их жутко зависимый от телефона ребенок днями не подходил к нему, а то и вовсе забывал об его существовании.

Я лежал в соседней палате, и каждый раз проходя по коридору, через стеклянную дверь я видел, как она сидит на своей кровати и рисует. Мне очень хотелось подойти, но я не решался.

Однажды, я все-таки решился. Это случилось во дворе. Она сидела на лавочке и рисовала. Я больше не мог оставаться в стороне, но у меня оставалось не так много времени. Мы разговорились. Ну, о чем могут разговаривать дети? Естественно, нам обоим очень хотелось жить и жить вне этих стен. Даже находясь в таком положении, мы старались радоваться каждому мгновению, причем это получалось у нас само собой. С тех пор мы все время проводили вместе. Она никогда не подсказывала и не учила меня, как надо рисовать, но мы много говорили о содержании рисунка, о том, чем наполнен был лист бумаги. С тех пор я не выпускал из рук альбома и до поздней ночи уже у себя в палате рисовал. Она показала мне сказочный мир разноцветных птиц, лошадей, кентавров и львов. Небо, солнце и деревья – все это заново рождалось на листе бумаги. Я сам создавал свой волшебный мир, в котором я был всем сразу, и все было мной. Кое-что я взял с собой сюда и это мне очень пригодилось. А Оля маяком мне светит и сейчас – закончил мальчик.

Прилетел голубь, в клюве он принес черное перышко, которое положил рядом.

«Пора», – подумал мальчик. Время действовать пришло. Главное, чтобы у них хватило сил.

Глава 3. Электрик высшей квалификации – Василий Петрович

Василий Петрович этим утром попрощался с женой и пошел на работу. Он вышел на улицу. На работу ему надо было только к обеду, и у него было достаточно времени, чтобы прогуляться по парку. Парк по городским меркам был огромен, с большим прудом. Вода в пруду не замерзала даже зимой. В центре пруда, куда вела искусственная дорожка, имелся каскад водопадов, возле которого постоянно кипела жизнь. Круглый год здесь сустились утки, разжиревшие и совершенно потерявшие интерес к перелету на юг. Люди им в этом сильно помогали, постоянно подкидывая все новые батоны. Большинство из них скорее не выдержало бы такого дальнего перелета, после такой усиленной углеводной заправки. Василий Петрович не был исключением, он купил батон для уток и направился в парк. Подойдя к мелкой цепочке водопадиков, он присел на корточки и принялся кидать хлеб в воду. Василию Петровичу было пятьдесят три года. Тридцать лет назад, вот так же он сидел здесь, на этом самом месте и крошил возможно тот же батон тем же уткам. Только вот он стал чуть дряхлее и смурнее. А чего вдруг? Ведь жизнь его сложилась удачно или лучше сказать почти удачно.

Раньше он как то не задумывался над этим, но сегодня он не мог не думать об этом, внутри просто все кричало. У него была жена и двое детей подростков, которых он, несомненно, любил. Кроме нелюбимой работы он ничего не мог вспомнить. Только сейчас ему пришла в голову мысль, что он совершенно не помнит лица жены, а ведь прожил с ней почти всю жизнь. Как же так можно прожить и не заметить, что живешь с совершенно чужим человеком. Каждодневные бесконечно беспокойные заботы о семье и о себе. Или все это только притворство и возможность спрятаться от себя, как хорошо за этим прикрываться.

Но почему же так вышло? Почему над этим он задумался только сейчас, когда и исправить вроде можно, но уже как-то не особо хочется. Может надо подождать еще немного и решение придет само? Но Василий Петрович, как никто другой знал, что ничего само по себе не произойдет и не решится, и осознание этого всего погружало его в еще более мрачные настроения. Да сейчас у него была отличная высокооплачиваемая работа с окладом в две с половиной тысячи долларов – просто мечта для электрика. На эти деньги они купили квартиру, сделали в ней ремонт, а семь лет назад даже дом в деревне приобрели.

В деревню ездили на выходные и в каникулы детей. Жена не могла нарадоваться на такого мужа, но доверительных отношений с ее стороны к нему тоже не было, и Василий Петрович это очень хорошо чувствовал. Одиночество давило.

За двадцать лет работы в институте «Красоты и холода» он скопил приличную сумму, о которой никто не знал. Сегодня захотелось впервые плюнуть на все: на сберкнижку, работу, квартиру и вообще на всю его жизнь. Вот если бы какому-то доброму чуду вторгнуться в его жизнь, тогда бы он точно не упустил свой шанс и смело надув паруса пустился во все тяжкие. Не хватало волшебного пинка, но откуда же ему было взяться, если он сам взял и похоронил себя, тогда очень давно еще в прошлой жизни.

Случилось это лет тридцать тому назад. Тогда он чувствовал в себе эту мощную силу природы и был готов на поступок, но потом день за днем совсем незаметно для себя, он начал предавать ее – самое ценное, что у него было – его жизнь. Волны трясины из тухлой и затхлой воды накрыли его, и сделано это было с его же согласия. Во времена молодости, он был полон планов и свершений и даже очень многое делал для претворения их в жизнь. Затем попытки становились все тусклее, пока совсем не угасли и окончательно потухли, когда он устроился сюда на последнее место работы.

В школе он много интересовался электроникой. Дома паяльник не выключался совсем, в комнате стоял дым коромыслом от канифоли. Постоянно кто-то приходил и что-то прино-

сил, какие-то приборчики, радиодетали и прочее. Вася не только чинил, но и постоянно собирал, что-то свое. В восьмом классе он собрал кассетный магнитофон из оставшихся запчастей, правда проигрывающую японскую головку ему пришлось купить, а деньги у него уже тогда водились, ведь чинил он не всем бесплатно.

После школы училище, армия и везде он только повышал свою квалификацию, затем работа на предприятии по ремонту бытовой техники. Иногда вечерами после работы в нем просыпалось какое-то смутное желание, и тогда он брал паяльник, и вся комната наполнялась дымом как в юности, но этого заряда хватало ненадолго, и вся романтика улетала вместе с дымом в форточку без следа.

Дома он думал, что вот завтра задержится на работе и поделает что-нибудь для души, но на следующий день, как правило, были какие-то незавершенные дела или просто неохота. Все дальше и дальше отодвигалось время великих свершений. Прикупив домик в деревне, Василий Петрович лелеял мечту, что уж там-то ему точно никто не сможет помешать. Но приехав туда с семьей или один, видел, что тут чуть покосилось, там надо немного подправить, дров для бани наколоть, землицы чуть подкопать. А уж вечером он всем покажет! Но вечером после бани, ноги сами несли его к вечернему телевизору и уже не в силах встать, он так и засыпал перед ним с пультом в руках. Утром начиналось все сначала. Наконец, оставив все попытки и с твердой уверенностью набраться в деревне сил для решительного и бесповоротного броска в городе, он мощно и всей грудью вдыхал чистейший деревенский воздух и уже без всяких зазрений совести засыпал вечером перед телевизором.

Приезжая домой в еще более разбитом состоянии, мечтал лишь об одном – взять отпуск за свой счет. Нет отпуск он иногда и брал, но вот проводил его по большей части возле того же телевизора. Поначалу его немного мучила совесть, где то глубоко внутри маленький кусочек ее еще был подвязан на тоненькой ниточке, но Василий Петрович мощным волевым усилием перерубил ее кухонным ножом, которым только что чистил картошку с его огорода, и которой очень гордился. А тогда тридцать лет назад, ни о какой картошке и речи быть не могло. «Почему же радость ушла?» – спрашивал он себя. Казалось бы, ему, электрику высшей квалификации, да с такой работой можно почивать на лаврах, а вот сегодня ему стало тошно от такого лавра. Сейчас его сердце сжимали тиски, тиски которые он сам же себе и построил. Они были добротные и сделаны, как и положено, с любовью, и от этого сильно жали. Его сердце кричало и уже давным-давно, а он услышал только сегодня. Только сейчас он понял, на что ушла вся его жизнь. Он жил лишь для того, чтобы уничтожить изо дня в день свое сердце.

Василий Петрович выкинул разом остатки батона в пруд с твердой уверенностью, что-то поменять и это он сделает именно сегодня, но только после работы. Ведь надо хорошенько все обдумать. Да и на работе ему предстояло только отрегулировать кресло, а затем он мог быть свободен. Надо сказать, что Василий Петрович ходил на работу не каждый день, а только по вызову или когда хотелось самому. Представьте и такое бывает. Шаги потяжелели. Очень нелегко далось ему осознание этого.

– Что же мне? Как же я? Куда? – в полубреду бормотал он.

Хуже всего было то, что если бы он и решился все бросить, то в каком направлении надо бить? Все мосты он давно сжег.

«В монастырь, делать доброе и творить вечное? Нет! В Сибирь, в глушь, забыться. Может в Индию? На поиски духовного учителя?» – беспорядочно кружились мысли в его голове.

Двери, что когда-то были открытыми, теперь наглухо заколочены. В таком полупьяном состоянии он вышел из парка и шел по оживленной улице, никого и ничего не замечая вокруг. Было около одиннадцати, в это время улица немногочисленна. С центральной улицы, он всегда сворачивал в проулок, во-первых пройти по относительно тихому дворику, во-вторых так он сокращал расстояние. Обычно, во дворе Василий Петрович сбавлял темп и шел в свое удовольствие. Сегодня он тоже на автомате сбавил темп, вот только про удовольствие не могло

быть и речи. Василий Петрович еще издали увидел фигуру в пальто. Все в его одежде было несуразно и нелепо.

«Зачем он ее одел? Ну и чудик», – было у него первой мыслью.

Они приближались друг к другу. Уже оставались не более десяти метров, когда они разом увидели на асфальте белый конверт, а из него чуть на вылет несколько банкнот – это были доллары. Василия Петровича прошиб холодный пот. Оба, как по команде, замерли на месте, попеременно посматривая то на конверт, то друг на друга. Медлить было нельзя. В таких случаях надо действовать быстро или проходить мимо. Василий Петрович вопросительно поднял бровь. Человек в пальто оказался немного решительнее. Он взял конверт, одним пальцем заправил банкноты внутрь и убрал во внутренний карман. Решительный незнакомец кивнул Василию Петровичу в сторону арки. Не сговариваясь, оба быстрым шагом покинули двор, и вышли на оживленную улицу. Напоследок, они оба обернулись во двор, как бы для очистки совести. А вдруг деньги уже начали искать? «Вот здрасьте, я тут в сторонке постоял, чтобы ваши денежки лучше сберечь. Ну что же, никого нет? Ну, тогда извините, я все сделал, чтобы вам их вернуть. Не нашлось хозяев, пусть побудут пока у меня, а там посмотрим».

По улице человек в пальто шел впереди, а Василий Петрович за ним следом, как то даже немного гуськом. Они тут же, с ходу зашли в пирожковую и уселись за столик. Человек в пальто заказал два зеленых чая, чтобы продавцы не косились на них. Они не знали друг друга, но и без слов было понятно, что конверт никто из них возвращать не хотел. Незнакомец достал находку. В конверте оказалось пять тысяч долларов. Ровно по двадцать пять бумажек каждому.

Василий Петрович поймал себя на мысли, что это его зарплата за 3 месяца. Незнакомец отсчитал двадцать пять бумажек и так же молча отдал их. Представляться в таком деле не стоило, оба понимали это, лучше сохранять инкогнито. Василий Петрович нервным и быстрым движением спрятал деньги, руки у него дрожали, а вот незнакомец напротив, был абсолютно спокоен, как будто поиск конвертов с долларами был для него ежедневной и обыденной процедурой. Напряжение спадало. Они сидели и пили свой чай. Вот только неуверенность в правильности поступка немного не давала покоя.

Василий Петрович уже знал, как ему поступить с деньгами – он их попросту спрячет туда, где у него и остальные. Об этом месте никто не знал: ни жена, ни тем более дети. Василий Петрович копил. Ощущение значительной прибавки согревало. Зарплату он вынужден был отдавать жене, а эти были чисто его. В дверь позвонили.

– Кто там?

– Это я, нарастающее напряжение. Откройте, пожалуйста, мне к вам!

Василий Петрович первым предложил по маленькой, хотя он знал, что этого делать не стоит и надо со всех ног бежать отсюда к его денюжкам, чтобы доложить уже свои сокровенные. Незнакомец кивнул в знак согласия. Василий Петрович заказал виски без закуски, только лимон. Не такое это дело, чтобы долго засиживаться, по-быстрому снять напряжение и по домам. Первую и вторую выпили залпом. Закусили лимоном, шумно занюхивая. Только сейчас Василий Петрович более внимательно оглядел своего «соучастника». Незнакомец немного расстегнул свое пальто мышинового цвета. Под ним была рубашка и костюм, тоже старого кроя, ему даже показалось, что сам запах от одежды был таким же старым. Таковую одежду носили во времена детства Василия Петровича. Все вещи хоть и были старого кроя, но были в идеальном состоянии. Костюм был несколько потерт в некоторых местах. Ботинки из жесткой кожи на шнурках, громоздкие и неудобные, но начищены они были до блеска. Это был молодой мужчина лет сорока, с круглым чистым и белым лицом. Выпили по третьей. Виски шло хорошо. Василий Петрович не пробовал алкоголя вот уже пятнадцать лет. Да он бывший алкоголик, но сегодня не выдержал. В последнее время он еле сдерживал желание выпить, а тут еще такое. Шансов удержаться не было. «В конце концов, переночую у кума» – подумал Василий Петрович. Дома это не вызовет подозрений, ему и раньше приходилось задерживаться на

работе. После четвертой Василий Петрович приятно захмелел. Наливали жирные порции и пили залпом, без закуски. Василия Петровича даже начало слегка покачивать. Незнакомец был опытным воякой и держался не шелохнувшись, явно соизмеряя свои силы и выпитое. Василий Петрович первым нарушил табу на молчание. Он больше не чувствовал себя одиноким, а виски плавными волнами накатывало, создавая приятную обстановку для беседы, и все самые лучшие и высокие порывы души, вот-вот вырвутся наружу. По крайней мере, ему так тогда казалось, но самом деле, он просто жаловался первому встречному о своей никчемной жизни. Попытка рассказать настоящее и то, что в таком настоящем нет никакого будущего, о том, что такое будущее представляет темный колодец без воды, с грязной жижей на дне. Василий Петрович за столько лет завязки впервые чувствовал единение с миром, даже с этим незнакомым человеком их уже связывало нечто более значительное, чем доллары. Василия Петровича несло. Он чувствовал, что с каждой секундой в нем просыпаются силы, когда-то похороненные под толстым слоем дерьма, своего же производства. Еще миг и вырвется на свободу то сокровенное, что лежало чистым изумрудом на дне этого колодца. Незнакомец молча слушал, опустив глаза, ему становилось скучно от банальных претензий Василия Петровича. Он собрался уж было идти, как вдруг его что-то остановило, он встрепетулся и ожил. Было видно – он очень взволнован. В этот момент Василий Петрович выкладывал уже заплетающимся языком про свою треклятую работу. Что являлось засекреченной информацией. По контракту за разглашение ему грозил тюремный срок. Василий Петрович не просто поливал, он фонтанировал, причем делал это абсолютно добровольно. Незнакомец, как опытный рыбак аккуратно подсек свою добычу и медленно тянул, не давая жертве сорваться. После пятого стаканчика виски он рассказал, чем же на самом деле занимается их институт и что за такая отморозенная красота содержится в его подвалах. Об этих мрачных подземельях, наполненных, как называл их Василий Петрович, отморозками. Проехавшись немного по Павлу Ивановичу и пожелав ему самому быть заживо замороженным, и у себя же, он замедлял свою речь. Источник понемногу иссякал. Василий Петрович был пьян. Незнакомец встал, застегнул пальто, откланялся и ушел. Легкая улыбка была на его лице, когда он покидал заведение. Василий Петрович заказал еще два пирожка с картошкой и попросил принести счет за виски. На это официант ответил, что счет уже оплачен. Надо было еще поесть. Ведь он не ел с утра. Хоть он и был пьян, но в голове у него был четкий план. Сейчас он посидит, поест и немного отрезвеет, затем возьмет такси и напрямиком к куму. После пирожков он купил двойной чай с сахаром, стало полегче, голова немного прояснилась. Запустив руку во внутренний карман, он приятно убедился, что деньги на месте. Одну стодолларовую бумажку сразу убрал отдельно. Так, на всякий случай. Вот же! Сумел остановиться, выпил и с деньгами остался. Он вышел из кафе. Штормило и довольно сильно – таким к куму нельзя. Он решил сесть на кольцевой трамвай, проехаться на нем и поразмышлять. Василий Петрович ничего не терял, в трамвае было безопасно и тепло, а самое главное – ему нужно было немного времени. Маршрут этот он хорошо знал, он был не изменен лет сорок: трамвай делал большой крюк часа на полтора, и в это время обещал быть пустым. Василий Петрович вышел на остановку. Долго ждать не пришлось. Скрипя подошел старый трамвай. Сев в трамвай и заняв одиночное место, он осмотрелся, вагон был полупустым, как и было запланировано. Кресла были старого образца, на толстом слое поролона. Сидеть на них мягко и тепло. Василий Петрович задремал, плавно погружаясь в сон под чудесный стук колес – тук-тук-тук.

Сон Василия Петровича

Ярко светило солнце. Была зима. Василий Петрович собирался на прогулку. Прогулка по хвойному лесу на лыжах – что может быть лучше в это декабрьское утро. Он оделся по-спортивному и вышел на крыльцо. Две огромные собаки кинулись к нему навстречу, приветливо

лая и виляя хвостами – это были его собаки. Предстоящая прогулка для них была пределом счастья. Собаки вообще любят погулять, а уж по зимнему лесу и говорить нечего. Василий Петрович знал, что он для своих собак был сейчас источником счастья. В свою очередь собаки для него были тем же источником. Присев на корточки, он дал себя облизать. Собаки шумно лаяли и прыгали на него. В этом дружеском порыве, они чуть не опрокинули его. Он взял лыжи и они пошли.

Лыжня начиналась сразу от калитки и уходила в лес. Напоследок, он обернулся, ему почему-то захотелось посмотреть на дом. Это был не его дом в деревне. Он увидел настоящий дом богача.

Большие и цельные витражные стекла придавали значимость и породистость строению. Мраморное крыльцо с резными перилами и почти такого же цвета облицовочный известняк – все это создавало единый и вписывающийся в окружающую среду ансамбль. Словом, все было выполнено в стиле «а-ля».

Чуть правее дома на стоянке стоял новенький дорогой джип, поблескивая в лучах утреннего солнца, и это была его машина.

Они вышли за калитку. Василий Петрович надел лыжи, и они покатили, углубляясь все дальше и дальше в лес. Он шел коньковым ходом, вдыхая морозный и свежий хвойный воздух. Чувствуя каждую клетку своего тела. «Это и есть настоящая жизнь», – так думал он. Отталкиваясь и дыша, они катили вперед. Собаки попеременно обгоняя и отставая, делали все свои дела по пути.

Лес кончился. Пошло поле, лыжни не было. Затем кончилось и поле, и перед ними лежала широкая река покрытая льдом. На льду они двигались размеренно, не спеша, давая отдых мышцам. Иногда под ними лед постреливал, приятное ощущение легкой опасности охватывало его. Собаки, высунув языки и хватая снег на ходу, бежали рядом. Снег местами заканчивался, освобождая под ними чистое пространство льда. Василий Петрович остановился, пора поворачивать назад. На той стороне реки была деревенька. Из печных труб деревенских домов уютно валил дым. Пахло баней. Над деревней возвышалась заброшенная церковь, а вместо куполов на ней были снежные маковки, как будто сама природа старалась укрыть человеческое невежество.

Василий Петрович, опираясь на палки, стоял посреди реки, любуясь видами. Затем он достал из внутреннего кармана куртки припасенный на дорожку апельсин и медленно, получая удовольствие от каждого движения, начал его чистить. Брызнул сок, попадая на одежду и лицо. Одна капелька попала на губы, он облизнулся, почувствовав ярчайший из всех вкусов. Избавившись от кожуры, Василий Петрович принялся есть его, как яблоко, не деля на дольки, а кусая целиком. Это было самое лучшее, что он, когда-либо пробовал. Вкус был божественный. Состояние невероятного счастья с каждой капелькой сока переполняло. Вдруг он увидел девушку, она шла к нему. Одетая она была в беленький тулупчик с оборками, валенки с черными глянцевыми калошами и разноцветный белый платок на голове. Словом, настоящая русская красавица. Девушка, улыбаясь, несла два ведра с водой на коромысле. Собаки заискивающе метались и ластились перед ней, признавая новую хозяйку. У Василия Петровича аж дух перехватило, какая она была ладная красавица. Он стоял, не шелохнувшись, боясь спугнуть. Проходя мимо, словно плывя по льду, она вдруг ни с того ни с сего, резким и неестественным движением обратилась к нему и грубым голосом пробасила:

– Але! Эй! Але, гражданин! Оплачивать будем? – ухнуло над рекой.

Реальность

– Просыпаемся гражданин! – гремело в зимнем воздухе.

Он, еще не веря в это, стоял и смотрел, не понимая, что волшебный замок вот так запросто может рухнуть. Раздался сильный треск ломающегося льда. В голове заскрежетало. Снег разом сошел с мажков церковей, а из деревенских домов повалил черный дым. Собаки ощерились, обнажив клыки.

– Да что же ты будешь делать?! Опять пьянь нанесло, – ругалась кондуктор трамвая на весь вагон.

Василий Петрович с большим трудом разомкнул глаза. Перед ним стояла суровая толстая тетка с выщипанными бровями и глазами навывкате. Она при этом еще и тормозила его.

– Ты будешь платить или нет? – уже переходя на «ты», не отставала она.

Спросонья Василий Петрович полез в карман и выгреб мелочь. На билет не хватало. Как же это он забыл, что на сто рублей, которые у него были, он купил пирожки с картошкой.

– Чего это ты мне суешь? – негодуя, с полным правом победителя, хлестко и грубо бросила она ему. Трясушимися руками, Василий Петрович с виноватым лицом полез в другой карман, в надежде исправить положение, но лучше бы он этого не делал. Он достал сто долларов и протянул их ей. Тетка-кондуктор взорвалась. Поток отборнейшей вагонной брани обрушился на него. Вид стодолларовой банкноты сработал, как красная тряпка на быка. Если бы он просто сказал, что забыл деньги дома, она бы, потеревив его все равно бы отстала, дав ему доехать, но то, что он козырял тут долларами, вывело ее из себя. Такое прощать было нельзя.

– Нет, вы посмотрите на него! Ты че, специально так взял, чтоб сдачи не было?! Ты со своими деньгами езжай на такси, если богатый такой. Ну, ты че сюда залез то? Денег нет – давай освобождай место, – все шире и шире открывая рот, орала кондуктор.

При этом она не забывала его шпынять и с каждым разом шпыньки становились все жестче.

– А ну давай, че расселся?! – не унималась она раздухарившись.

Василия Петровича грубо выперли на ближайшей остановке. Так он и остался стоять с зажатой в кулаке стодолларовой бумажкой.

Голова болела страшно. Хотелось пить. На душе было жутко. Тело ныло. Вдруг, внезапная мысль как выстрел пронзила его.

«Деньги. На месте ли деньги?» – нервно и судорожно бросился к карману. Слава богу, деньги были на месте. Василий Петрович шумно выдохнул. Он пересчитал еще раз. Однако надо было что-то предпринять. План не менялся, срочно к куму. Он зашел в ближайший пункт обмена, которые были на каждом шагу, и разменял сто долларов, заодно удостоверился в их подлинности. Он опять столкнулся с той же ситуацией – к куму в таком помятом состоянии нельзя. Сто грамм водки могли исправить положение. Рядом с пунктом обмена было строение, напоминающее ларек начала девяностых, с покосившейся вывеской «Фиалка». Наверняка здесь можно было купить «чекушку» и прямо там же выпить. Василий Петрович зашел. Внутри стояли два столика, как раз для таких целей. Опытная продавщица сразу определила, что ему нужно. Василий Петрович по прошлому знал, что чувство жажды пока можно подавить, оно пройдет после водки. Он взял чекушку и сосиску в тесте. Продавщица, с неприятным звуком выдавила ему остатки дешевого кетчупа на пластиковую тарелку. Кетчуп плевком вылетел из красной бутылки.

«Сейчас поправлюсь и сразу к куму. У-у-у, жирная ведьма. Вот доведет же», – пережитое в трамвае ни на секунду не покидало его. Подойдя к столику, который находился тут же, и переведя дух, он прямо из горла выпил примерно половину содержимого бутылки. В продаже сто граммовых не оказалось и пришлось брать в два раза больше. Водка была дешевая. Занюхав сосиской, он отломил кусочек мякиша, помакал его в кетчуп и положил в рот, медленно пережевывая. Сосиска в тесте была такой же дешевой и дрянной, как и водка, впрочем, как и само это заведение. Он постоял минут десять, заметно полегчало. Рядом на батарее сидел черно-белый пушистый кот, который подавал ему знаки. Василий Петрович отломил еще кусо-

чек и положил, приглашая того закусить. Кот подошел, сначала обнюхав предложенное, затем не спеша начал есть, выражая признательность урчанием.

– В конце концов, ну обругали меня, ну выперли, ведь ничего такого страшного не произошло, а даже совсем наоборот. И мне кроме как радоваться, ничего не остается сегодня, – добрел он на глазах, быстро забывая недавнее приключение.

Василий Петрович посмотрел на бутылку:

«Допью, в самом деле не оставлять же ее здесь? От ста грамм хуже не будет», – подумал он, поднося бутылку к губам и запрокидывая вверх. Осушив одним махом содержимое и занюхав, он доел сосиску, тщательно собрав весь кетчуп с тарелки. Василий Петрович обдумывал, как ему поступить дальше.

«А что, собственно говоря, мне мешает доехать до кума на трамвае. И деньги сэкономлю. Куму надо тоже поставить, ведь не с пустыми же руками к нему ехать. Зачем тратиться на такси? Спешить мне все равно некуда. Предупреждать и звонить на работу не надо – сегодня вызова не было, а то, что я шел туда, так это я шел сам – дома сидеть надоело. Пожалуй, так и сделаю», – так думал он, стоя в этом отстойнике большого города. Ему совсем похорошело, голова прошла, снова хотелось жить. Теперь это место не казалось таким ужасным, а продавщица так и совсем была ничего. Дикая музыка, которая сначала была по мозгам, звучала сейчас в унисон с его настроением.

– Мало!

Подходя к продавщице, он заметил, что она слегка улыбается ему. «Люда» – прочитал он на бейджике ее униформы. В свою очередь и он тоже немного улыбнулся, чтобы не казаться невежливым. Он взял еще чекушку, пластиковый стаканчик, два пирожка с мясом и картошкой. Продавец с приветливой улыбкой достала новую бутылку кетчупа и обильно полила на тарелку.

– Вам разогреть? – поинтересовалась она.

– Спасибо я привык пить холодной, – пытаюсь пошутить, ответил он.

– Я оценила, так греть? – еще раз спросила она.

– Да, если можно, – ответил он.

Она подогрела пирожки в микроволновке. Пошел вкусный аромат выпечки. Забрав и расплатившись, он двинулся к своему столику. Чинно расположившись на столике, он отломил добрую половину и предложил коту присоединиться к его трапезе. Кот подошел, при этом вставая с места, потянулся, демонстрируя всего себя, понюхал, но есть не стал, а отвернулся и начал лизать лапу.

– Ладно, не хочешь не надо, – немного обиделся Василий Петрович на кота. Налив в стаканчик и залпом выпив, он закусил пирожком, не забывая предварительно обмакнуть в кетчуп. Кетчуп был определенно лучше предыдущего. Обстановка навевала времена молодости и он решил еще взять кильку в томатном соусе. Продавец на удивление быстро согласилась ее открыть и сделала это очень умело. Под кильку грех было не выпить, и он налил еще. Водка под кильку шла хорошо. Он кинул одну рыбку коту, доставая ее пальцами и капая на стол и пол соусом, килька шмякнулась о пластик, который укрывал батареи и подразлетелась в разные стороны, кот даже ухом не повел, продолжая следить за своим хозяйством. Допив остатки водки, он расправился с консервой, густо запачкав стол соусом.

– Поеду, – решил он. Выйдя на улицу, он подошел к дороге и поднял руку. Машины как на зло проезжали мимо не останавливаясь.

– Да что за день такой! На трамвае не доехать, машину не поймать, – то, что он нашел сегодня деньги, отошло на второй план.

– Эй, але шеф, ну куда! Э-эй, стой, ну ты че... – дальше шла нецензурная речь. Такими словами он провожал очередную проезжающую мимо машину. Вдоволь наматерившись, ловя попутку и приняв это для себя как знак, он решил добавить «соточку». Продавщица при виде

его еще больше заулыбалась. Василий Петрович заметил, что у нее не хватало одного переднего зуба.

– Я знала, что вы вернетесь, – сказала она ему, явно давая понять, что может быть и продолжение. Пребывание на свежем воздухе немного его отрезвило.

«В самом деле, не познакомится ли мне с ней поближе?» – так же быстро подумал Василий Петрович. Мысль была соблазнительной, ведь он столько лет себе во всем отказывал.

«Ну, потрачу тысячу рублей, ну и что? Деньги все равно халявные», – уговаривал он себя пустится во все тяжкие: «В конце концов, на работе и дома меня сегодня не ждут, а завтра будет видно. И в самом деле, что это я все к куму, да к куму? Ну, приеду я к нему, выпьем, посмотрим телевизор. Кум опять начнет новости перечислять, кто с кем и как. В общем, вечер будет безвозвратно испорчен. А тут перспектива, какая никакая, ну да не модель она, не красавица, но зато и денег много не потрачу. Не тряхнуть ли мне стариной? Вспомню молодость. Эх, были же денечки! Но тогда денег по большей части не было, а сейчас-то мне – самое оно, потрачусь малость. Может у меня и в жизни такого больше не будет?» – стоя в грязном ларьке, рассуждал Василий Петрович.

– Я сегодня до пяти, если хочешь, подожди меня, пойдем ко мне, – сразу напрямую выдала она ему. То ли она почувствовала, что у него с собой есть деньги, то ли ей просто захотелось гульнуть. Кто ее знает? Людмила в определенных кругах была особой известной. Брала, что хотела, когда и сколько, но контингент, с которым она водила «дружбу» сам был рад предоставить ей все для этого.

– Заходи сюда, – пригласила она, поднимая стойку и открывая дверь в подсобку. Он прошел за стенку, здесь был стол и один стул, на котором он и расположился.

– Посиди пока. Два часа осталось до конца смены, – сообщила ему Людмила.

Василий Петрович ей не поверил и полез за телефоном, желая удостовериться во времени. Он явно потерялся, ему показалась, что прошло не больше часа с того момента, как они нашли деньги с незнакомцем. Люда увидела телефон и отметила про себя – телефон у Василия Петровича был не из дешевых. Откуда-то взялась бутылка водки и закусь, они выпили вместе и закусили теми же пирожками. Люда поставила на стол их изрядное количество. Василий Петрович даже не догадывался, что пирожки были просроченные и Люба торгует ими из под полы. Она сама брала просрочку в пекарне возле дома, у нее там соседка работала, с которой они частенько и выпивали.

Василий Петрович сидел, медленно пережевывая просроченные пирожки. А здесь не так уж и плохо, как показалось ему сначала. Стол был накрыт клеенкой. Клеенка была старая, но чистая и без дыр. Людочка налила по рюмке себе и гостю. Выпили.

Обилием клиентов заведение не страдало. Оно стояло на дороге, как последнее ископаемое среди множества супермаркетов, с их дешевым изобилием товаров. Ларек непонятно за счет чего еще держался. Цены были выше, и качество обслуживания было не на высоте. Скорее оно напоминало огонек, на который слетались последние мотыльки огромного мегаполиса. Мотыльки не могли не прилетать, опьяненные тусклым светом, они падали здесь же, подломленные своим божком.

Люда тем временем, налила только себе и выпила, видимо, как-бы желая догнать собеседника. А может, давая знак, что она рассчитывает сегодня на нечто большее, и как бы берегая силы мужчины, для великих свершений. Она что-то болтала, но это Василия Петровича не особо интересовало, все плыло. Оба хотели поскорее домой, чтобы забыться в алкогольном экстазе. Пришла сменщица, переделалась и встала за прилавок.

– Привет, – бросила она, обнажая передний ряд своих золотых зубов.

– Еще и зубы золотые, ну точно динозавр и откуда их таких добывают, – сменщица в своем прикиде была олицетворением прошлой эпохи, ушедшей от нас навсегда, но почему то сохранившейся до наших дней вместе с этим ларьком как единый целый.

– Пошли Василий нам пора, – сказала ему Людочка.

Они вышли. В ста метрах была трамвайная остановка, с которой его так много уже связывало. Ждать долго не пришлось. Сверкая чистенькими стеклами, подошел новый трамвай. Василий Петрович с Людочкой зашел в вагон, его качало. Свободных мест, как назло, не оказалось, а он очень рассчитывал. Люда держала его с боку. Он встал на задней площадке вагона, двумя руками облокотясь о перила. Народ, стоявший здесь же, заметно раздвинулся перед ними. Трамвай тронулся, было душно. Подошла кондуктор приятной наружности с бровями на месте. Люда сама рассчиталась за него и за себя. Слава богу, ехать пришлось только две остановки. Они вышли, Василия Петровича после душного трамвая подразвезло и прогулка пошла ему на пользу. По пути зашли в пекарню – в ту самую, где Людочка брала просрочку у Зиночки. Набрал очередную порцию несвежих пирожков, и намекнув на то, что та может заходить сегодня попозже, они покинули заведение. По пути они зашли в нормальный магазин «У дома». Люда набирала «по полной». Васе было уже все равно. На кассе он равнодушно и медленно начал доставать бумажник, Люда ему помогла. В бумажнике лежали деньги, оставшиеся от размена ста долларов. Остальное было глубоко спрятано в недрах его одежды. После покупки продуктов и двух бутылок дорогого коньяка, от ста долларов почти ничего не осталось.

Утро

Голова сильно болела. Хотелось пить. На душе было жутко. Тело ныло. Кто-то лежал рядом, тяжело дыша. Проснувшись окончательно, Василий Петрович обнаружил, что он совершенно голый. Одежда в беспорядке валялась на полу.

– Деньги! – было первой его мыслью. И прямо так, не одеваясь, он бросился искать куртку. В ней был потайной кармашек. Куртка висела в прихожей на вешалке. Судорожно, трясуцимися руками он полез открывать замочек за подкладкой. «Фу-у» – выдохнул он, деньги были на месте, не считая, конечно, тех ста долларов, что он вчера пустил в оборот. Он вернулся и сел на кровать. Сопящее тело по-видимому было вчерашней жуткой продавщицы из той тошнилочки.

«Кошмар! Как я тут оказался? Скорее к жене и детям. Что я скажу на работе? Хотя на работе ничего говорить не надо. Домой, быстрее домой или все-таки лучше к куму? Как я появлюсь дома в таком виде? Что скажет жена? Нет, я не могу ее расстраивать», – стучало у него в голове, похмельным синдромом. Только сейчас, он увидел, что на столе стояла чуть початая бутылка с «Хеннеси». Конечно, он прекрасно понимал, что не надо пить. Нужно срочно рвать когти к куму, там отлежаться и домой, но на столе стояла бутылка дорогого напитка.

– Ау! Я здесь, я не куда не уйду. Прошу вас в гости, мы принимаем строго по утрам. Желательно, с похмельным синдромом. Я вас жду со вчерашнего вечера, – приветливо сказала ему бутылка.

– Ну, в самом деле, не отказывать же гостям, когда тебя само «Хеннеси» зовет. Просто, как-то даже неудобно перед людьми. Загляну, только ради приличия, с визитом вежливости, – Василий Петрович налил пол стакана.

– Ну! За знакомство, – и опрокинул залпом. На кровати что-то зашевелилось.

– Вась ты уже проснулся? Плесни мне тоже, – с хрипотцой сказало зашевелившееся существо.

День пролетел не заметно. За ним еще один и еще. Средства, что естественно, были пущены в оборот. Общество шептало и пело. Через месяц Васька был выдворен за ненадобность. Он уже не соответствовал запросам и задачам данной публики. Прощай Вася! Мы расстаемся с тобой навсегда. К своей прежней жизни и семье ты больше не вернешься.

Глава 4. Человек и козел

Павел Иванович открыл книгу. Это была короткая Абхазская сказка, которую он давно хотел прочитать. Называлась она «Человек и Козел». Вообще у него в кабинете было довольно обширное собрание сказок народов мира, которые он периодически перечитывал – это успокаивало и хорошо отвлекало от рутинной работы.

«Жил в горах пастух. Было у него небольшое стадо, состоящее из овец и одного козла. Из молока пастух делал сыр, тем и питался. Иногда спускался он с гор к людям, чтобы постричь овец, продать шерсть, пополнить запасы и опять возвратиться в горы. В горах был у него маленький домик, где он жил некоторое время и хранил припасы, пока вновь не пускался в путь со своим стадом. Он не был угрюмым и мрачным человеком, любил горы, а с людьми чувствовал себя не очень хорошо. Козел же был у него за друга и собаку. Вечером, когда разжигался огонь, козел, отделялся от стада и подходил к пастуху. Пастух чесал его специальной щеточкой, вычесывая колючки и при этом разговаривая с ним. Человек искренне радовался, когда козел проявлял ответные чувства. Особенно приятно было, когда козел подставлял свою бороду, предлагая очистить ее от колючек. Козел был вожаком стада, и все овцы шли за ним. Бывало, овца родит ягненка и козел звал человека.

Случай свел в горах двух друзей. Вечером, расположившись возле костра, они пили вино, закусывая овечьим сыром. За разговором пастух решил поправить лезвие на ноже, который он затупил дня три назад о ветку старого дуба. Они обсуждали события, произошедшие в селе, много ли нынче собрали урожая, где кто видел улей диких пчел. Когда изрядно подвыпили, пастух начал рассказывать про своего козла. Он рассказывал, что когда совсем холодно они спят, прижавшись друг к другу, о том, что когда они заблудились, козел вывел их и многие другие истории о достоинствах своего товарища. Козел никогда не засыпал прежде, чем заснет его хозяин и как обычно лежал поодаль. Козел смотрел, как хозяин точит нож и что-то недоброе чудилось ему в движениях людей. Человек рассказывал про то, как забавно козел подставляет свою бороду для чесания и они с гостем опять рассмеялись и посмотрели на козла: вот мол, какой красавец! В этот вечер поселился у козла страх, страх за свою жизнь.

Рано утром товарищ ушел со своим стадом.

Вечером козел не пришел к пастуху как обычно, тогда пастух сам пошел к нему, прихватив щеточку. Козел немного вздрогнул, заметив приближающегося к нему человека.

– Что ты так испугался? Это же я! – спрашивал его человек, не понимая, что происходит. Козел же думал, что не зря вчера точен был нож и смеялись, поглядывая на него, люди. Сегодня вечером человек его точно прикончит. Козел смирился с этим и ждал удара, думая при этом, что человек чешет его, чтобы поближе и поудобнее добраться до горла.

Так и пошло. Вечером человек сам шел к козлу и каждый раз козел вздрагивал, думая, что сегодня все будет кончено. Козел все больше укоренялся в мысли, что человек оттягивая время казни, хочет насладиться его страхом. Так проходили дни, недели, месяцы. Козел становился мрачнее и угрюмее, корень недоверия захватил и терзал его. Не видя другого пути, козел решил на предательство, задумав уничтожить человека и освободиться.

В один из дней, переходя на другое пастбище, когда пастух повернулся к нему спиной, козел разбежался и столкнул его в пропасть. На короткий миг он ощутил эйфорию от свободы. Но через минуту пришло девятикратное осознание от сделанного поступка, он понял, что время не пустить вспять и нет возможности что-либо исправить, виновник же сему он сам. С тяжелейшим чувством вины пришла и полная безысходность. Спала пелена с глаз и козел понял, что на него никто и не думал покушаться, а наоборот желали только добра. К полной безысходности прилипло чувство тоски и уныния. Яды начали разрушать его.

Пастух не разбился. Он упал там, где у пропасти был большой угол наклона, а толстый слой мелких камушков смягчил удар. Его тело проехало на них метров тридцать пока не остановилось. Пастух потерял сознание, ноги, и ребра были сломаны. Разум вырубил сознание, чтобы боль не убила его. Так он пролежал двое суток, пока девушка везущая кукурузу на ослике не заметила его. Скинув мешки, она положила его поперек седла. Так добрались они до ее дома. Спасительница была молода и красива и жила с родителями. Отец был гончар, славившийся на всю округу, мать, как и все женщины, хозяйкой в доме. Первым свою дочь со странной поклажей увидел отец. Он сразу все понял, взял ослика за поводья и подвел его прямо к крыльцу. Вместе они занесли пастуха в дом и уложили на кровать. Туго забинтовав ему ноги и грудь, они оставили его. Наутро пастух очнулся и сказал им, что упал в пропасть. Он и в самом деле так думал, потому что не помнил, как все произошло.

Время шло, больной поправлялся и уже выходил во двор, где хозяин дома под навесом лепил свои горшки. Отец девушки очень любил свое дело. Любо дорого было посмотреть на него за этим занятием. Работая, он затягивал песню, про высокие горы, полет птиц и небесных людей. Пастух, не замечая за собой, подпевал ему. Он думал о том, какие хорошие эти люди и почему раньше он не знал, что бывает такое счастье. Еще он думал о том, что ему некуда идти. Стада у него теперь не было, а с такими переломами вряд ли можно рассчитывать на возвращение к прошлой жизни. Все время он сидел во дворе, наблюдая за работой гончара. С другой стороны неумолимо приближалось время, когда он должен был уйти, уйти в никуда из этого дома, наполненного счастьем, где ему так хорошо и это мучило его. Это мучило его вдвойне, потому что за то время, что он был здесь, молодые люди полюбили друг друга, и он не мог ее с собой забрать в горы, даже будь у него целые ноги. У него не было своего дома, а только ветхая хижина в горах. Он смотрел на семью гончара и видел, как они радуются новому дню, радуются друг другу, восходу и закату и так каждый день.

В один из дней он подошел к гончару и попросил дать ему попробовать, его очень удивляло, как это из комка грязи выростал стройный кувшин. Молодой человек решил попробовать сам. Гончар уступил ему свое место, пастух сел за гончарный круг – это новое занятие так увлекло его, что с тех пор он уже не отходил от круга, дни за днями проводя за этим делом. Конечно, у гончара был не один круг и теперь они оба работали под навесом. У пастуха получалось все лучше и лучше, и вот настал тот день, когда он сделал свой первый кувшин, теперь его по праву можно было назвать новым человеком. Он не представлял дальнейшей жизни без своей спасительницы и гончарного дела, которое так завлекло его, что он точно знал – это его занятие. Теперь он радовался каждому новому дню, который приносил ему праздник труда и счастья. Так он и остался в доме, наполненном счастьем, молодые поженились и на радость всем у них родились дети.

– А что же стало с козлом? – спросите вы.

– Не знаю, наверное, его съели волки».

Прочитав сказку, Павел Иванович взял в руки простенькую визитку: «Радиончик Аркадий Семенович – младший научный сотрудник...» и дальше шло длинное ни о чем не говорящее название института, что то о новых биологических видах и выживание их в агрессивной среде.

«Что бы это значило? Зачем он записался на прием? При чем сделал это так официально, заранее с курьером прислав визитку. Почему просто не записаться по телефону?» – размышлял он, сидя в своем кабинете в ожидании визитера. Ждать долго не пришлось. Павел Иванович принял позу, сидя в кресле. Секретарь сказала, чтобы тот прошел – Павел Иванович ожидает его. Радиончик вошел в кабинет, прошел вглубь, коротко поздоровался и представился. Обошлись без рукопожатий. Павел Иванович предложил сесть в кресло напротив. Одет незнакомец был крайне скромно и вещи были старые, каких сейчас не носили. Однако все было чисто и аккуратно. Из такого же старого портфеля с огромным замком он достал кипу бумаг.

«А ведь он пришел за деньгами» – мелькнуло у Павла Ивановича в голове: «Видно, что готовился и основательно, и судя по портфелю, претензии у него не маленькие. Он что-то знает, раз так открыто назначает встречу и так уверено ведет себя», – продолжал размышлять он, осматривая посетителя. У Павла Ивановича имелся телефон человека из спецслужб, он им не раз пользовался от рэкетиров и прочих джентльменов.

«Попробую сначала выведать, что он знает» – пока решил он.

Радиончик предложил ознакомиться с бумагами и положил их перед хозяином кабинета. На первой странице, большими буквами было написано заглавие: «Невозможность жизни клетки теплокровных после глубокой заморозки». Павел Иванович аж подпрыгнул, такого он точно не ожидал. Нет, в этот раз людей из спецслужб вызывать никак нельзя, тут придется действовать только самому. Павел Иванович впился в него колким взглядом, как паук в свою жертву.

«А не взять ли мне его прямо сейчас и не превратить ли в одного из своих пациентов?» – пришло в голову Павлу Ивановичу.

– Павел Иванович, только давайте без глупостей. Вы же, наверное, понимаете? Я пришел не просто так, – сказал спокойно Радиончик, предвидя и такой исход: – Нам лучше договориться. Пока этот труд находится у меня, и он не в единственном экземпляре. Да вы прочтите хоть немного, чтобы убедиться. Там все понятно, даже картинки есть, – Аркадий Семенович явно чувствовал себя хозяином положения, он знал, что Павел Иванович к науке никакого отношения не имеет, хотя и был доктором наук.

Павел Иванович пришел в бешенство, но он не привык терять самообладание, тем более в присутствии других людей. Не позволяя ни одной мимической мышце выдать его, он нажал специальную кнопку, чтобы ребята из лаборатории были наготове.

«Блефует или нет?» – если бы знать наверняка, с каким удовольствием он самолично упаковал бы его на сон вечный: «Нет, торопиться нельзя. Надо выждать. Хорошо, послушаем, что он хочет? Откуда он столько знает?» – стучало у него в висках. Таких раньше не захаживало и уже никаких лет как десять не захаживало, Павел Иванович всех отвадил.

Радиончик, все говорил и говорил, о том, что что-то научно доказано и эксперименты подтверждали. Павла Ивановича интересовала сумма. Он ждал, пока ему ее скажут. Вот тогда он его и сцапает. В кабинете все записывалось. Аркадий Семенович все медлил или специально, зная это, тянул резину. Наконец первым не выдержал Павел Иванович, и стремительно перейдя на «ты», спросил его прямо в лоб:

– Чего ты хочешь?

– Я, Павел Иванович, ничего не хочу. Я принес вам свой труд и хочу, чтобы вы с ним повнимательней ознакомились, – Радиончик был «тертый калач». Павел Иванович не ожидал такого поворота. Перед ним был опытный игрок, а сам он пока проигрывал.

– Но ты же не просто так сюда пришел, значит тебе что-то нужно? Возможно, у меня и есть то, что тебе нужно, и мы договоримся? – в открытую и без церемоний предложил Павел Иванович.

Радиончик разом стал очень серьезен. Вид его был даже суровым. Шутки кончились. Павла Ивановича от такой резкой перемены в собеседнике пробил холодный пот. Он вжался в кресло.

– До свидания, Павлуша, мы еще увидимся, – сказал он, поднялся с места и ушел, закрыв за собой дверь. Бригада молодчиков санитаров ждала его внизу, но так как дальнейших указаний не последовало, то они пропустили его и Аркадий Семенович покинул это заведение. Больше он сюда не вернется.

Павел Иванович так и остался сидеть в своем кресле. Впервые он был так зол. И кто взбесил его? Так, ничтожество, мелочь. Рукопись лежала перед ним на столе, видимо Аркадий

Семенович специально ее оставил. В гневе Павел Иванович швырнул ее о стену. Ему показалось, что за Радиончиком кто-то стоит.

Ах, если бы Павел Иванович знал, что за ним никого нет, что даже о его приходе никто не знал. Рукопись эта была фальсификацией, придуманной специально для Павла Ивановича, и единственный экземпляр был перед ним. Все бы у него сложилось по-другому, а незванный гость сейчас бы покоился внутри одной из крио камер.

Радиончик все просчитал, он знал, что именно капитальная основательность Павла Ивановича сыграет с ним злую шутку, и поэтому шел ва-банк. Ходьба по лезвию ножа опьяняла и бодрила лучше всякого наркотика. Он выходил на большую воду.

– Козел! – прошипел Павел Иванович со злостью.

Глава 5. Новая жизнь

Мальчик все чаще и чаще навещал своих родителей. Делал он это не один, многие из душ неотступно следовали за ним, с единственным желанием: согреться в лучах его света, но сейчас они были в другом месте – в квартире Игоря Игоревича. Они ждали момента.

Игорь Игоревич приготовил деньги – пять тысяч долларов и сейчас вложил их в почтовый конверт. Он стоял возле окна и смотрел на улицу, не возвращается ли жена с пробежки. Она об этих деньгах ничего не знала. Деньги предназначались за ремонт квартиры, которую он купил своей любовнице, и сегодня в обед хотел заехать и отдать строителям. Тут требовательно прозвучал сигнал телефона, ему позвонили с работы.

«Видимо что-то срочное, – подумал он: раз звонили так рано». Он машинально положил конверт на подоконник, доставая мобильник из кармана. Да действительно, дело было срочное. Игорь Игоревич поглощенный разговором, машинально начал прохаживаться, видимо так ему лучше думалось, и уже совсем ушел в другую комнату. В это время жена возвратилась с пробежки. Сквозняк, создаваемый входной дверью и окном, подхватил конверт и чуть приподнял. Силы ветра было явно не достаточно, чтобы он перелетел через окно. В это время, сотни светящихся огоньков в едином порыве устремились на помощь ветру. Конверт вспорхнул и полетел прямо к ногам Радиончика и Василия Петровича. Дело было сделано и светлые удалились.

Игорь Игоревич о деньгах вспомнил не сразу. После звонка он еще некоторое время, сидя на своем диване, обдумывал, как ему поступить. Только проходя мимо, он вспомнил, что оставил его здесь, но конверта не было. Он посмотрел на открытую форточку и сразу отмел эту мысль, как невозможную. Ну не мог же он подняться и перелететь. Первым делом Игорь Игоревич спросил жену, не видела ли она конверт, на ходу выдумывая, что деньги предназначались для работы. Та ничего не знала. Он побежал вниз и только краем глаза увидел двух мужчин, выходящих со двора через проездную арку, но это было только мгновение, вроде один еще обернулся. Игорю Игоревичу было не до них. Он начал рыскать под окнами, в надежде найти пропажу. Потратив время на бесполезные поиски, он вернулся домой. Жене понятно надо было что-то объяснить.

– Ты где был? – удивленно спросила она, увидев его взъерошенного после поисков.

– Ты знаешь, я, кажется, деньги потерял. Вот здесь оставил, – показывая на подоконник, сказал он: – А сейчас их нет. Мистика какая-то...

– Никакой мистики. Куда-то положил и сам забыл куда, – успокаивая его, сказала она.

– Ну я же точно помню, как десять минут назад оставил вот здесь конверт с деньгами! Куда он мог пропасть? – удивленно и непонимающе говорил Игорь Игоревич. Мужчина задумчиво сел на диван. По телевизору шла какая-то дрянная передача о ремонте. Так он и сидел еще час. За это время ему трижды позвонили с работы. Он не ответил. Игорь Игоревич ушел в себя. Что на него так повлияло? Кто его знает. Может пропажа денег, хотя сумма и была для него незначительна. Может глупая передача. А может вид красавицы жены и впервые возникший вопрос: зачем он ей изменяет? Что-то переменялось в Игоре Игоревиче. Через час он, конечно же, поедет на работу, а в обед позвонит любовнице и сообщит ей, что все кончено и что квартиру она может оставить себе, а вот ремонт пусть доделывает сама. Но это уже мало интересовало его. У Игоря Игоревича началась новая жизнь.

Утром мама с папой были на кухне, пили кофе. Сейчас это была их единственная совместная радость. Папа сделал себе двойной эспрессо, поставил его на стол, нажал на американо. От кофе машины шел насыщенный кофейный аромат. Они начинали пить кофе одновременно, пили не спеша. Мама при этом смотрела в окно, папа новости по телевизору. Вдруг

мама услышала шум за окном. Она встала и подошла посмотреть, что там происходит. На подоконник село несколько голубей.

«Поразительно, – подумала она: – Все голуби белые». Птицы шумно перекликались друг с другом, как будто разговаривая. Она обернулась и посмотрела на мужа.

– Мой мальчик сейчас со мной, – и она не ошибалась, их сын действительно был рядом. Папа щелкал пультом. Он остановился на одном из каналов. То, что она услышала, заставило ее вздрогнуть.

– Жить, мама, надо жить! – сказали с экрана голосом ее сына. Не понимая, что происходит, она стояла и смотрела как замороженная на экран телевизора.

– Что это? Кто это сказал? – почти кричала она мужу, еще секунду и она была готова сорваться в истерику. Муж непонимающе, посмотрел на нее.

– Успокойся дорогая, тебе показалось, – пытаюсь успокоить, сказал он ей.

– А может и вправду показалось, – она села на стул, не сводя глаз с экрана.

По телевизору шла трансляция конференции на тему: «Экология и выживание человечества в эпоху глобальных перемен». В общем, очередная мура, такие передачи показывали пачками. Тут она увидела человека в первом ряду. Камера навела на него и увеличила. На экране появилась надпись: Радиончик Аркадий Семенович – доктор биологических наук. Он как раз что-то говорил о глубоких заморозках и как это можно использовать в наш технический век. Муж насторожился. Жену телевизор не интересовал. Сегодня она хотела сообщить супругу нечто важное.

– Я была неделю назад в одном подмосковном приюте. Там есть две девочки, близняшки. Я хочу забрать их. Как ты на это смотришь? Съездим туда вместе? – предложила она ему.

... Да, я как раз об этом и говорю. Если мы будем двигаться в сторону заморозки, мы просто потратим огромные средства в никуда. Решение есть и его надо доработать. Я не могу сказать, что это будет легко, но двигаться надо только в сторону геля, а никак не азота...

– Прости дорогая, я прослушал. Ты хочешь взять детей из детского дома?

... Давайте посмотрим, что предлагает нам завтрашний день, – шло с телевизора: Завтрашний день предлагает нам новую, совершенно не похожую на сегодняшнюю, модель поведения...

– Как ты думаешь, увидим ли мы когда-нибудь нашего мальчика? – резко переменяла тему супруга.

... На этот вопрос однозначного ответа нет. Могу ответить и «да» и «нет», и оба являются верными. Мы не отказываемся от использования азота полностью, мы применяем все те технологии, что были наработаны ранее на нынешнюю модель...

Муж попеременно смотрел то на жену, то в телевизор. Он не знал, что ей ответить.

– У них родители погибли, они остались совсем одни, – снова рассказывала она про близняшек мужу.

... Несомненно, чем быстрее мы это сделаем, тем у нас больше шансов спасти мир таким, каким мы его знаем. Не говоря уже конечно о революции в медицине...

– Мне все чаще и чаще кажется, что мы не правильно поступили, оставив там нашего мальчика, – опять возвращалась она к теме, не дававшей ей покоя.

... Я еще раз повторяю, на сегодняшний день не существует технологии по возвращению – так мы называем этот процесс. Возможно в будущем, но это не обязательно, должна быть глубокая заморозка, а я уверен в этом. Возможен вариант с гелем. Ведь это же элементарно – как бы вы не размораживали клетку теплокровного, она все равно пострадает, а в масштабе всего организма это значит несовместимость с жизнью. И кто бы вам, что там не говорил, пусть он попробует оживить всего одну клетку, тогда я первым признаю в нем величайшего гения столетия...

«Я просто должна быть счастливой!», – подумала она. От этой мысли ей заметно полегчало. Как будто свалился тяжкий груз с плеч.

... И мы просто должны, а я считаю это своей прямой обязанностью, дать эту технологию человечеству. В том числе и освоение космоса получит новый виток развития. Все ведь наверняка смотрели фантастику? В фильмах астронавты просыпаются от длительного сна – вот примерное направление нашей деятельности...

Муж подошел, встал рядом с супругой и обнял.

– Я понимаю, но теперь у нас все будет хорошо, просто верь мне, – успокаивал он.

... Проблема на сегодняшний день состоит в том, что невозможно разом оставить организм без жидкости и так же разом заменить гелем или другим составом, в том числе и азотом. В идеале, лучше это сделать одномоментно, ведь проницаемость жидкостей в клетку организма разная...

На телевизор они уже не обращали внимания. Они подошли к окну. Голуби все еще были здесь.

– Посмотри, тебе не кажется это странным? С тех пор как с нами нет сына, они постоянно прилетают, – сказала она.

– Да я тоже это заметил. Ты знаешь, они и на работе ко мне прилетают. Мне даже кажется, что это те же птицы.

Тем временем, передача закончилась. Пресс-конференцию показали по нескольким федеральным каналам.

На следующий день они поехали в детский дом. Когда документы на удочерение были готовы, девочки переехали в новый и прекрасный дом.

Прошел год. По утрам подросшие близняшки, с радостным гамом вбегали в спальню своих новых родителей. Уныние ушло из их дома. Дверь в спальню теперь всегда была открыта, а родительская постель смята. Рядом стояла детская кроватка, в которой безмятежно спал малыш – их сын.

Глава 6. «Небесная свобода»

Павел Иванович тоже смотрел эту передачу. От его внимания не укрылось, что Радиончик уже доктор наук и теперь вряд ли с ним вообще можно договориться. Три года назад, когда состоялась их первая встреча, Павел Иванович и не мог догадываться, чем все обернется. Он так и не позвонил Радиончику, заняв позицию выжидания.

– Сам объявится, – думал он тогда. Не объявился. Павел Иванович хотел выяснить, кто за ним стоит. В рукописи, которую он оставил, были кое какие факты, но в основном мыло. Ему не надо было тогда ждать, надо было действовать. Сейчас он ругал себя за излишнюю осторожность

– А может не поздно все исправить и Радиончик набивает просто цену? – с надеждой подумал Павел Иванович.

Погрузившись в глубокие раздумья, он так и заснул на диване в своем кабинете.

Беспокойный сон Павла Ивановича

Павел Иванович ехал на побывку в свою родную деревню в плацкартном вагоне. Он был молодым, стройным и красивым. Люди в вагоне были веселые и приветливые. Угощали служивого папиросами и самогоном.

Попутчики были одеты как во времена его молодости. Все люди в вагоне называли его Павлушей, голоса звучали как нежнейшие колокольчики. «Павлуша, Павлуша», – слышалось со всех сторон приятными соловьиными переливами. Только сейчас, во сне, он первый раз задумался над этим. Он не помнил, чтобы кто-нибудь его так называл. Даже родная мать всегда называла его Павлом.

Пьяные мужики возвращались с очередной стройки века и сейчас, подвыпив, звали его с собой. Деревенские тетушки доставали из больших плетеных корзин вареных кур, сало, яички и самогон. Самогон был, как и положено мутный, в больших бутылках, закупоренных газетой. Павлуша поднял газетную пробку и развернул ее. На ней была дата выпуска: 1966 год. Заголовок к большой статье обещал: «Сдадим в срок». В этой статье автор предлагал строить огромные холодильники, загонять туда целые стада коров и оленей, чтобы они в таком естественном виде морозились, а люди, жившие вокруг них, доставали мясо по мере надобности. Автор также предлагал особо перспективное направление – это замораживание огромных просторов океана в целях хранения огромных масс продуктов. Это могло быть также решением жилищного кризиса. В этих огромных кусках льда можно выдалбливать целые дома и квартиры, и каждый желающий может самостоятельно это сделать. Пропитание можно было добыть тут же, вернее оно появлялось по мере выдалбливания, ведь в океане, по мнению автора, спрятаны бесчисленные пищевые ресурсы. Холодильники-морозильники должны представлять из себя целые города, огромные мегаполисы, только в таком случае есть перспективы развития. Был даже кусочек фотографии этой стройки – члены политбюро перерезают ленточку на фоне огромной установки.

«Что за чепуха?» – подумал Павлуша, как раз в это время ему налили, и он опрокинул стаканчик.

Странное дело, во сне он пил и не хмелел, хотя все вокруг становилось заметно веселее. К нему подсел окуроч и предложил выйти в тамбур, докурить его. Окуроч был похож на большую недокурную папиросу ростом с человека. Без лица, но с усами.

– Да как же я тебя курить-то буду? У тебя ведь усы, – сказал Павлуша, особенно не удивляясь такому повороту событий. Окуроч достал коробочку с надписью «Паркер», открыл, выкинул из нее ручку, аккуратно снял усы и положил туда.

– Так пойдет? – угодливо спросил он.

– Так пойдет, – довольный таким обстоятельством, Павел последовал за окурком в тамбур.

Тут одна из тетушек преградила дорогу:

– Без самогона не пущу! Не верь ему, – кивнула она в сторону окурка: – Ты его чем тушить-то будешь? Возьми, милоч, это самое верное средство, – сказала она, тыча ему бутылку с мутной жидкостью.

Окурочек тоже остановился в проходе и снисходительно поглядывал на тетушку.

– Первым делом, глаза ему залей. У-у-у, бесстыдник, – не унималась она. У окурка действительно начали появляться глаза.

– Ты опять за старое? – немного с укоризной, сказал Павлуша окурку.

Тот, в свою очередь, достал еще одну коробочку той же фирмы и повторил манипуляции уже с глазами. Воспользовавшись советом деревенской тетушки, Павлуша выпил всю бутылку. Живот заметно увеличился в размерах.

– Теперь другое дело, – одобряюще кивая, провожала его тетушка в тамбур. Перед самым тамбуром сидела шумная компания мужичков и выпивала. Завидев Павлушу с окурком, они все разом обернулись.

– Оставишь затянуться, друг? – попросил один из них и двинулся со стаканом самогона ему наперерез. Он протянул ему свой стакан. Павлуша опрокинул и его. Мужичок, который сидел возле окошка, заметил своему сотоварищу:

– Да это как же вы его курить собираетесь? Его ведь никто не зажег, – и достал канистру с бензином. Он открыл крышку и подошел поближе. Окурочек не оставался безучастным к происходящему и с пониманием спросил:

– Простите, вы с какого места поджигать собираетесь? Ежели с усов, то от них только пшик, если позволите, то я бы начал. . . . – не дав договорить, мужичок повалил его, хотя и был в два раза меньше.

– Сейчас сами разберемся, ишь ты, усы нам хотел подсунуть, – ворчал мужичонка, при этом обильно поливая всех из канистры: – Однако холодает у тебя, Павел Иванович, – сказал он так, чиркнул спичкой и кинул ее в гущу.

Павел Иванович проснулся, у него был жар.

Наутро Павел Иванович набрал Аркадия Семеновича:

– Аркадий, здравствуй, – поприветствовал он его, как старого друга: – Это. . . .

– Узнал, чем могу?

– Мы бы могли встретиться с вами? Я бы предпочел прямо сегодня, – сделал попытку договориться Павел Иванович, хотя уверенности не было.

– Ну что ты Павлуша, что за спешка? – отвечал ему Радиончик: – Давай завтра. Смогу в десять.

– Тогда, Аркадий Семенович, жду вас в баре «Белый слон», там на десерт всегда подают хороший джаз.

– Хорошо, я буду, – сказал Аркадий и отключился.

Павел Иванович подошел к зеркалу. Спал он отвратительно, да еще этот дурацкий сон не давал покоя. Раньше он не замечал за собой такого – верить во всякие там сны. Мало ли что приснится? Лицо было помятым, да и одежда имела какой-то неряшливый вид. Ничего не хотелось. После такой ночи, ему казалось, он не набрался сил, а совсем наоборот лишился их. Он заставил себя принять душ, который находился в смежной комнате, за незаметной дверью. Стало чуть лучше. Затем выпил три стакана минеральной воды, он знал – через полчаса станет легче. Полина Марковна была уже на работе, однако к нему не заходила.

«Может и она тоже хочет свалить?» – мелькнула у него мысль. Однако опасения были напрасны. Вскоре она зашла с докладом и известием не сулившим ничего хорошего:

– Позвонили из штатов, они обеспокоены и считают это спланированной акцией направленной на уничтожение их бизнеса. Пока они не собираются предпринимать каких-либо действий, потому-что до конца не уверены, но они очень обеспокоены, я бы сказала от себя: в панике, – Полина Марковна закончила доклад.

Павлу Ивановичу стало лучше, минералка делала свое дело.

– Я как раз завтра встречаюсь с этим Радиончиком, ну который это все и затеял, попробую что-нибудь выяснить, тогда и сообщим ответ, – ответил он на доклад Полины Марковны.

– Павлуша тебе не страшно, что вот это все кончится? – с тревогой в голосе спросила она его.

Ей было страшно за жизнь, ведь все к чему она привыкла, рушится на глазах. Павел Иванович знал, что один из надежнейших способов разрушить предприятие это поднять панику.

– Павлуша, ты слышал что-нибудь о «Небесной свободе»? Говорят все оттуда.

– Не понимаю о чем ты. Что это за «Небесная свобода»? Что все это значит?

Полина Марковна, поняв, что сказала лишнее, сразу замолчала, сделав при этом глупое выражение лица с моргающими глазками.

«И она туда же, а мне казалось, я ее знал. А она первая побежит, был бы только повод», – и Павел Иванович не ошибался. Он заметил, что она первый раз назвала его Павлушей.

«Ах, Полина, Полина, почему ты меня так раньше не называла? А только теперь, когда хвост прижало. Как бы сами создатели аттракциона не стали главными его разрушителями», – Павел Иванович догадывался, что и такое возможно.

– Павел Иванович, еще, к вам журналисты. Они уже в низу. Говорят им назначено, что они связывались лично, – уже более официально сообщила Полина Марковна.

– Полина, я ни с кем не мог связаться. Ты что забыла? Ну, я не знаю, назначь им на послезавтра. Сейчас основное – это Радиончик, остальное подождет, – и он громко захлопнул папку, дав понять, что беседа закончена.

Полина Марковна мялась в дверях:

– Еще одно дело, Павел Иванович, звонил Владимир Викторович, сказал, что заедет сегодня, – под конец совсем «обрадовала» Полина Марковна.

– Этого еще не хватало. Надеюсь, ты сказала, что меня нет? – совсем расстроился Павел Иванович.

– Он знает, что вы в офисе. Я уже дала согласие, встреча в час, – сказала она.

«Час от часу не легче» – метался по кабинету Павел Иванович. За эти дни он сильно сдал. Он подошел к окну. На подоконнике сидело несколько белых голубей. Они перелетали с места на место, воркуя и похаживая. Внезапно, в эту гущу жизни, откуда то плюхнулась ворона, и громко гаркнув, разогнала всех белых птиц. Павел Иванович попытался спугнуть ее, стукнув ладонью по стеклу, но она, вперив свой взгляд, только моргала и каркала, словно призывала кого-то. Прилетели еще три вороны, уселись на подоконник и принялись орать. У Павла Ивановича сразу снова разболелась голова. Он отошел от окна, возле которого его даже начало немного подташнивать, накатила волна слабости, заставившая опять лечь.

«Такие доведут до могилы», – неизвестно про кого, сейчас подумал Павел Иванович.

Тем не менее, время встречи неумолимо надвигалось.

Подъезжая к Институту, Владимир Викторович смотрел из окна персональной и очень дорогой машины на институт.

«Поганое местечко, – сейчас думал он, хотя раньше ему так не казалось: «Побыстрее бы сделать дело и забыть как о страшном сне», – он подъезжал, на одном из подоконников он увидел ворон.

– Да уж, бывает же такое, – ворон он воспринял как добрый знак для себя.

Его сопровождала машина с охраной. Два офицера из спецслужб и его водитель тоже из тех же спецслужб. Машины остановились возле входа. Павел Иванович с жуткой головной болью уже ждал внизу в вестибюле. Владимир Викторович в голове подсчитывал, на каком из окон сидели вороны и так дружно каркали. Ему приходилось бывать в кабинете у Павла Ивановича, просто сейчас он немного подзабыл и пытался вспомнить. Он пытался подсчитать, по всему выходило – это был кабинет Павла Ивановича.

Владимир Викторович с сопровождающими вошел в здание.

«Не к добру», – подумал Павел Иванович, он знал, если чиновники, а особенно такого ранга, приходят с охраной – ничего хорошего не жди.

– Здравствуйтесь, Владимир Викторович, – пытаюсь выглядеть благожелательно, поприветствовал Павел Иванович. Получилось у него фальшиво и неумело, может головная боль помешала и гости сразу это заметили. Владимир Викторович не стал здороваться вовсе, сразу предложил пройти в переговорную комнату. Павел Иванович предложил свой кабинет. Охрана осталась в приемной. Павел Иванович учтиво открыл двери перед высокопоставленным гостем. Владимир Викторович вошел первый. Перед тем, как пройти к креслу, он подошел к окну. Так и есть: вороны были именно здесь, и сейчас просто драли глотки, как будто соревнуясь, кто громче. Окна были очень хорошего качества, но даже они не могли служить преградой вороньему неистовству. Павел Иванович, семена, подошел следом к окну и с виноватым видом, как будто это он каркал, предложил сесть. Гость уселся. Павел Иванович задернул шторы, как будто прикрывая свой срам. Он сел напротив и приготовился слушать.

– Павел Иванович, мы решили забрать нашего мальчика. Мы бы хотели завтра, – у Владимира Викторовича не дрогнул ни один мускул. Произнесено все это было с каменным выражением лица. По тону и краткости сообщения Павел Иванович понял, что все споры и уговоры бессмысленны и надо просто делать то, что от него хотят.

– Хорошо, как скажете. Завтра к восьми утра все будет готово, – ответил ему Павел Иванович.

– Вот и договорились, – Владимир Викторович поднялся с кресла. Подойдя к двери, он остановился и бросил взгляд на зашторенное окно, как будто что-то хотел сказать, но передумал, потянул за ручку и ушел, оставив Павла Ивановича наедине с его головной болью.

Несмотря на головную боль, Павлу Ивановичу надо было проводить высокую персону. Без особой охоты он последовал за ним. Уже в вестибюле Владимир Викторович резко остановился, как будто снова вспомнил что хотел сказать в кабинете, машинально полез в карман, достал оттуда пачку Мальборо, вынул сигарету и закурил. Все произошло так быстро, что никто не успел отреагировать на его жест. Павел Иванович опешил от такого поступка, но не посмел ничего сказать. Как назло, высыпали все сотрудники и все видели, что произошло. Владимир Викторович докурив, все также погруженный в свои мысли, невероятно четким движением пульнул окурком в стену. Искры огоньков разлетелись в разные стороны. На стене образовалось черное пятнышко, похожее на след от пули. Для Павла Ивановича это было невероятным кощунством и оскорблением. В трансе, Владимир Викторович не заметил, что он делает. Совершив нечаянный акт вандализма, он сразу покинул здание. Павел Иванович достал свой именной платок, взял им брошенный окурочек, подошел к ведру и выкинул прямо с платком. Ему ничего не оставалось делать, кроме как пойти к себе и закрыться там, до следующего дня. Завтра встреча с Радиончиком, где и должно все решиться.

«Побежали. Как крысы побежали с тонущего корабля», – в панике, лихорадочно бегали мысли в голове. Павел Иванович еле добрал до дивана, свалился на него и тут же забылся в полубреду. В каком-то полусне он сделал попытку дойти до шкафа, там у него стояла бутылка с коньяком. Ему срочно надо было выпить, чтобы окончательно не сойти с ума от свалившегося внезапно груза. Но он не смог, не хватило сил.

Было примерно пять утра, когда Павел Иванович спустился вниз, на пятый уровень. Нужно было соблюсти все формальности. Протокол отключения требовал его личного присутствия. Бригада «мастеровых» была готова начать процедуру.

Приехал Владимир Викторович с женой, они забрали тело сына. Приехавший катафалк, доставил тело на кладбище, где и состоялись похороны. Душа мальчика знала – сегодня она станет свободна и покинет это место навсегда. Сергей был рядом. На плече у него сидела белая птица.

– Мы скоро увидимся, – лицо у него излучало радость. Сотни светящихся душ окружили мальчика. Они прощались с ним без слов, от всех исходила любовь. Застрявшие здесь темные, даже не заметили происходящих событий, оставаясь на своих местах прикованные к своим телам. Черные птицы сегодня тоже прилетели в большом количестве и сидели чуть поодаль светящегося круга из светлых душ. Они как будто грелись у этого вечного костра жизни. Тут птица мальчика вспыхнула ярким светом, ослепляя всех вокруг, взмахнула крыльями, рассыпая снопы искрящегося света, и улетела с ним ввысь. В течение следующих нескольких месяцев все светлые души, что остались здесь, были отключены от системы по тем или иным причинам.

Глава 7. «Белый слон»

Павел Иванович прибыл в «Белый слон» заранее, чтобы немного освоиться. Уютно расположился в кресле. Подошел официант. Павел Иванович сразу попросил сто пятьдесят коньяку. Официант быстро принес. Наконец можно было спокойно сделать заказ: бутылку коньяку, рыбную тарелку, моллюсков, на тарелочке больших испанских оливок, лимон и зеленое яблочко. Павел Иванович немного выпил, чтобы скрыть волнение. Аркадий Семенович запаздывал.

Он появился через десять минут в сопровождении свиты. Они кивнули друг другу. Павел Иванович протянул руку первым и на правах хозяина, предложил располагаться. Аркадий Семенович сел в кресло напротив, при этом он повернулся к своей охране давая понять, что все в порядке, и они могут удалиться. Со сцены звучал легкий джаз. Негр солист исполнял песню на английском языке. На беду, Павел Иванович знал английский как родной:

...Моя девочка мне сегодня так плохо без тебя.

Нас отделяют тысячи километров,

Но я помню наше расставание, как будто это было вчера.

Я рабочий на буровой установке и добываю черное золото.

Я тоже черный, но золотом для меня навеки будешь только ты...

«Какой бред. Надеюсь, Аркадий Семенович не знает английский», – он открыл запечатанную бутылку и разлил в большие коньячные бокалы. Они молча выпили.

Принесли рыбу, она была великолепна и свежа. Промочив глотку, не сговариваясь, взяли по маслине на шпажке. Коньяк плавно опустился согревающим мягким теплом. Алкоголь быстро, но аккуратно ударил в голову. Павел Иванович молчал, он посматривал то на сцену, то на своего молчаливого собеседника.

– Больно бойкий джаз банд, скорей на банду негров похож. Вам так не кажется Павел Иванович?

– О, ну, что вы, Аркадий Семенович, отличные ребята. Я их не первый раз слушаю. Это они не распелись еще, сейчас войдут в ритм будет то, что надо, – напропалую врал Павел Иванович, прекрасно понимая, что этого делать не стоит, особенно сейчас.

– Ну что же, если вы так говорите, значит, так оно и есть, – Аркадий Семенович зацепил на вилку филе красной рыбы.

Павел Иванович тянул время, чтобы начать серьезный разговор, не забывая дополнять бокалы. Он вдруг подумал, что тогда, год назад он мог все изменить и возможно сегодня они могли так же сидеть в этом же баре, но уже при других обстоятельствах. Скажем, как друзья или компаньоны. Павел Иванович мог предложить ему работу у себя в институте, с хорошим окладом, скажем, раз в сто больше, чем он получал как младший научный сотрудник у себя в институте. Да все могло быть иначе.

Павел Иванович налил еще. Главный катализатор такой беседы – достаточная доза алкоголя в крови. Аркадий Семенович улыбался, и было не понятно, была ли это злорадная усмешка победителя или ему просто было хорошо. На сцену он больше не смотрел. Они подходили к точке невозврата. Официант принес моллюсков. Моллюски были великолепны своей свежестью. Под них налили еще. Бутылка закончилась, Павел Иванович распечатал вторую. Первым начал Аркадий Семенович:

– Павел Иванович, может это звучит нелепо с моей стороны, но я бы хотел вас поблагодарить. Я и прибыл сюда только за этим. Попутно отвечу на ваши вопросы. Ведь они у вас ко мне есть? Ведь только для этого вы и назначили встречу? Я прав? – не дожидаясь ответа, он продолжил: – Только благодаря вам, как бы это громко не звучало, я обрел себя. Это всегда было рядом, на поверхности, вы сами подцепили и дали мне в руки, – Аркадий Семено-

вич сделал паузу. Говорил он спокойно, контролируя каждое сказанное слово: – Видите, я ни сколько не скрываюсь, и не опасуюсь. Я всегда завидовал таким как вы – проходам больших масштабов и сам просто мечтал стать таким как вы. Да я тупо хотел денег и чем больше, тем лучше. Вы знаете, когда я пришел к вам, сколько я хотел? Сейчас это смешно звучит. У меня даже была бумажка с собой с написанной суммой, чтобы только молча показать, не называя вслух. Сто тысяч долларов. Дай мне тогда вы деньги и не было бы того Аркадия Семеновича, что сейчас сидит перед вами.

– Правда? А я думал, что сумма будет в десятки раз больше.

– Но сейчас, как вы уже поняли, деньги как таковые меня мало интересуют. Нет, они интересуют меня постольку поскольку. Для научной работы. И нужно не мало, но так уж получилось, что я в них сейчас не нуждаюсь. На пресс конференции я естественно не все сказал, но с вами могу быть откровенен, так как информация уже не является секретной. У нас есть гель, и мы давно уже его используем. Могу сразу сказать, гель – это моя личная разработка и правом его использования обладаю только я, во всем мире.

– Вы изобрели гель и уже используете его? – повторил Павел Иванович. Такого поворота событий он не ожидал.

– Представьте себе, да. Любой человек, ну конечно имеющий достаточные средства, может быть погружен в сон на любой срок. Время не ограничено, только плати. Без потери памяти, без вреда организму. Вижу, что вы хотите спросить. Да, мы проделывали это уже сотни раз. Тысячи лежат у нас, ожидая очереди на трансплантацию. Кому-то просто надоело жить и он решил посмотреть на будущее или посмеяться над постаревшими одноклассниками. Причины у всех разные. Самое смешное, что есть и такие: допустим, муж – от которого ушла жена и он ложиться лет на двадцать, чтобы прийти потом и посмеяться над сильно постаревшей супругой. Но это уже больные люди. Павел Иванович, вы, конечно же, слышали о готовящемся полете на марс с экипажем? Так вот и астронавты будут погружены в сон с помощью нашего геля, сейчас проходит тестирование аппаратуры. Кстати, ваше американское начальство тоже связывалось со мной, они хотели приобрести патент на использования геля. Я отказал. Вы спросите: почему я все это вам рассказываю? Но ведь вы пришли за ответами. Мы наверняка больше не увидимся и это наша последняя встреча.

Павла Ивановича прошиб пот, он мигом протрезвел. Как такое могло случиться, что его не поставили в известность? Его просто обошли стороной. Ведь были же в деле люди приближенные к власти, они точно знали и ничего не сказали.

«Меня слили», – Павел Иванович налил полный себе и половину Аркадию Семеновичу. Свой он выпил залпом. Перехватило дыхание. Быстро закусил лимоном.

– Послушайте Аркадий Семенович, – развязно облокотился на спинку кресла Павел Иванович. Коньяк делал свое дело: – Вы же не Семенович, Вы больше похожи на Симеоновича!

– А я и есть Симеонович, – улыбнулся Аркадий: – Просто в советское время, чтобы попасть в мало-мальски приличное НИИ, надо было кое-что подправить в биографии.

У Павла Ивановича мелькнула шальная мысль: «А может...»

– Нет, Павлуша, не сможем, слишком поздно, – догадываясь и опережая ход событий, ответил Аркадий Семенович.

Павел разлил по бокалам. Вторая бутылка подходила к концу. Официант принес спелейшие и сочные азербайджанские гранаты. Павел взял один, разломил на кусочки поменьше и сосредоточено занялся делом. Аркадий наблюдал за ним. С каким воодушевлением он ел красный плод. Наступила очередная пауза в разговоре. Молчание несколько затянулось, и Аркадий сам взял бутылку и разлил.

– Да, ничего не скажешь, чистая работа. Вы молодец. Да нет, правда, вы молодчина. Я прекрасно понимаю, что в нынешнем положении вас уже не интересует вся эта трескотня и погоня за металлом, и вы находитесь на более высокой частоте и остается только поздравить

вас. Но хотелось бы и мне попробовать. А чем черт не шутит? Вот так возьму и брошу все, – злость и зависть покинули его душу. Надолго ли Павлуша? Может это всего лишь алкогольные пары?

– Павлуша, почему такой странный выбор – коньяк? Если честно, я думал мы будем пить водку или по крайней мере, виски, – спросил Аркадий.

– Есть повод, поэтому и коньяк. Умер прежний Павел Иванович и родился Павлуша. Вот за это и пьем. Ну его к чертям, того Павла Ивановича, туда ему и дорога ... да и Павлушу туда же, – ответил Павел Иванович.

– Больно веселые поминки под коньяк получаются, – улыбаясь, сказал Аркадий.

– Какие есть, – так же улыбаясь, ответил Павлуша.

– Знаешь, Павлуша, сначала я хотел отомстить и страшно, но потом все больше и больше начал понимать, что только ты являешься самым лучшим и дорогим для меня человеком. Я понял, что могу быть полезен. Нет, не людям, конечно, и уж тем более не обществу. Прежде всего, самому себе. Только благодаря тому труду, который я писал специально для тебя, чтобы выудить побольше. Я и стал тем, кем всегда только мечтал быть. Как ты знаешь, сейчас я веду институтом и на мне нет той старой, дрянной одежки. Думаешь я не видел, как ты смотрел на мои ботинки? Я готов поклясться, что ты заметил даже мои выцветшие шнурки, – они оба засмеялись: – И самое главное, я смог выкинуть ненавистное мне пальто. Скажу тебе, что я не готовился, идя к вам, одевая такие вещи. Это была моя обычная одежка. Какая жизнь, такие и дрянные вещи. Я мог, конечно, себе позволить, ну не шикарную, но более менее сносную одежду, но все средства и силы употреблял для достижения только одной цели. Сначала цель была понятная и по-человечески нормальная, особенно если учесть город и условия, в которых мы живем. Цель простая одна на всех – взять свое. Это когда на финише теряешь себя, – Аркадий замолчал, налил остатки коньяка и выпил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.